

A detailed illustration of a hand, palm up, covered with numerous yellow and black wasps. The hand is positioned over an old, weathered manuscript page. The manuscript features Latin text in a Gothic script and a woodcut illustration of a religious scene, possibly the Resurrection, showing figures in a tomb and a landscape. A string of amber beads with a gold cross pendant lies across the lower right of the hand. The overall tone is dark and macabre.

Павел
Корнеев

РУТИНЁР

Небесный эфир

Павел Корнев

Рутинёр

«Автор»

2020

Корнев П. Н.

Рутинёр / П. Н. Корнев — «Автор», 2020 — (Небесный эфир)

Небесный эфир пронизывает всё сущее, но даже ему не под силу вытравить мрак из души, если того не пожелает сам человек. И оттого люди лгут, убивают и взывают к проклятым князьям запределья в надежде обрести могущество и реализовать свои потаённые желания. Магистру-расследующему Филиппу Олеандру вон Черену не впервой выявлять чернокнижников из числа учёного люда, да только нынешнее дело несравненно сложнее, нежели всё, с чем ему приходилось сталкиваться до сих пор. Слишком могущественные силы вступили в противостояние – и речь отнюдь не о тайных обществах и ложах...

Содержание

Часть первая:	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Павел Корнев

Рутинёр

Часть первая: Все дороги ведут в...

Глава 1

1

Сеньор вон Аухмейн отошёл в мир иной в ночь накануне возвращения маркизы цу Лидорф в Риер. На закате того дня наша потрёпанная компания инвалидов остановилась на постой в Аффенхайме, тогда-то я на пару с Микаэлем и покинул гостиницу под предлогом пройтись по городу и поискать приличного вина. Коллеги лишних вопросов задавать не стали, а Уве и Марте и вовсе было не до нас: школяр только-только начал отходить после магического перенапряжения, ведьма до предела вымоталась, обихаживая раненых.

К Риеру мы подъехали в глубоких сумерках и в старые кварталы пробрались через лаз, обнаруженный людьми Блондина, – тот самый, коим пользовались школяры-солнцепоклонники. Коней пришлось оставить на заброшенном складе в надежде, что туда никто не сунется впотьмах, благо о недавнем ритуальном убийстве была наслышана вся округа. Дальше отправились пешком и оказались у резиденции рода цу Лидорф уже глубокой ночью; на улицах царил крошечный мрак, лишь местами его разгоняли висевшие на стенах фонари.

Адалинда снабдила нас и ключами, и амулетом от магической защиты, да ещё подробнейшим образом объяснила, как обойти ночных сторожей, поэтому проникнуть в дом не составило никакого труда. Пока я стоял на карауле, Микаэль скользнул в спальню, и в особняке стало самую малость тише. Не знаю, какой из своих многочисленных талантов задействовал маэстро Салазар, но супруг Адалинды даже не захрипел, просто перестал дышать.

Внезапная смерть во сне – такое иной раз случается даже с абсолютно здоровыми людьми. Пусть не помучился напоследок, зато к нам не приведёт ни единого следа. Из осторожности сеньора Белладонна даже сбывла за полцены случайным торговцам лошадёй с предварительно сведёнными клеймами и оружие рейтар. Вырученные деньги она распределила между своими людьми, не забыв и о семьях погибших. Мы тоже не остались обделёнными: Марте достался конь рыжего пройдохи, а для Уве я требовал его шпагу и кавалерийский пистоль с колесцовым замком.

И даже так Микаэль всю дорогу ворчал по поводу моей излишней расточительности.

– Из-за баб скоро по миру пойдём! – негромко бухтел он. – Одной осла купили, другая и вовсе на шею приноровилась взгромоздиться и ножки свесить!

– Марте надо было за нами пешком бежать? – не выдержав, поинтересовался я. – Или это мне бежать надо было?

– Да я не об этом! – фыркнул маэстро Салазар. – От доли в трофеях зачем отказался, скажи на милость? Как только такое в голову пришло? Это же святое!

– Не мелочись, – примирительно попросил я. – Трофеи трофеям рознь.

Микаэль только головой покачал.

– Не узнаю тебя, Филипп. Бывает, человек резко меняется после того, как по голове крепенько получает, но с тобой-то что не так? Не слишком ведь сильно по башке и приложило!

Я произвольно потянулся ощупать левую скулу, но сразу отдернул руку. Опухоль уже спала, а тончайшие порезы, оставленные осколками теней, затянулись и стали почти неразличимы. В глаза они теперь бросались только на ярком солнце, да ещё когда лицо краснело из-за физических нагрузок.

– Не пошли бы те деньги впрок! – отрезал я, начиная злиться.

Маэстро Салазар фыркнул и выдал:

Кормиться с клинка – честней дела нет,
Ласкает слух звон взятых с боя монет,
Убил, обобрал – а хоть бы и так?
Ты пережил этот день, сдох не ты, а твой враг!

– Bravo! – похлопал я в ладоши. – Ландскнехты по достоинству оценят твой стихотворный талант. Но лучше сочини балладу о какой-нибудь бесстыжей пышногрудой красотке!

– Пышногрудая красотка заграбастала наши денежки! И заметь – без малейшего стыда!

– Брось, Микаэль, – покачал я головой. – От нас не убудет. Ещё в выигрыше останемся, вот увидишь!

Так оно в итоге и вышло. Начать хотя бы с того, что Адалинда распорядилась выделить нам комнаты в собственной резиденции, не став отсылать в гостиницу. Впрочем, Микаэль и тут не упустил возможности поворчать.

– Не иначе извести надумала, – объявил он, заявившись в нашу с Мартой комнату.

– Да кому ты сдался! – фыркнула девчонка, которая и понятия не имела о причинах скоропостижной смерти хозяина дома.

– Концы в воду, – многозначительно заметил маэстро Салазар.

– Не бери в голову! – отмахнулся я. – Во всём Риере не наберётся столько яда, чтобы у тебя хотя бы живот разболелся.

Микаэль хохотнул и спросил:

– Не странно разве, что мы здесь остановились?

– Было бы странно, обдели Адалинда гостеприимством столичного ревизора, присланного для проверки её действий вице-канцлером, – покачал я головой.

– Возможно, оно и так. А, возможно, и нет, – с сомнением произнёс бретёр и отправился восвояси.

Марта прикрыла за ним дверь, уселась на краешек широченной кровати и сказала:

– Станный он какой-то.

– Только сейчас заметила? – усмехнулся я, подумал-подумал и на всякий случай задвинул засов.

Следующую седмицу Адалинде было откровенно не до нас, её вниманием целиком и полностью завладели заботы по организации похорон почившего в бозе супруга и размещению в городе съехавшейся со всей провинции родни, да и служебной рутины за время отсутствия накопилось изрядно. Я события не торопил, решив перевести дух сам и дать отдых остальным, благо всегда мог сослаться на необходимость проведения более тщательной проверки деятельности Риерского отделения и его главы.

Микаэль от рассвета до заката пропадал в винном погребе и вполне вероятно даже там ночевал; в любом случае его было не видно и не слышно. Марта первые дни отсыпалась, а потом её взяли в оборот служанки, парикмахер и портной маркизы. Вскоре нескладный юнец Мар-

тин пропал окончательно и бесповоротно, тогда пришёл черёд учителя этикета, танцмейстера, преподавателей арифметики, грамматики, чистописания и классического северо-имперского.

Меня происходящие с ведьмой метаморфозы всецело устраивали, чего нельзя было сказать о состоянии Уве. И беспокоили даже не столько недуги и ущербность эфирного тела школяра, сколько его душевные терзания. С одной стороны, паренёк добился поставленной перед собой цели, заполучив постоянное место во Вселенской комиссии по этике, с другой – оказался поставлен перед фактом, что достичь высот тайного искусства сумеет лишь исключительно в теоретической плоскости без всякой надежды использовать полученные знания на практике. Как сказали бы мои многомудрые коллеги, имел место классический случай экзистенциальной пустоты, а следом могла пожаловать и затяжная депрессия.

Именно по этой самой причине, как только разрешил личный медик маркизы, я безжалостно согнал Уве с кровати, пусть тот и беспрестанно кашлял, а в отхаркиваемой им мокроте нет-нет да и снова появлялись сгустки крови.

– Держи! – ссыпал я в ладонь слуги полпригоршни серебряных монет.

– Зачем это? – удивился школяр.

– В ратуше просмотришь записи о девочках, родившихся пятнадцать – двадцать лет назад, оставшихся сиротами во младенчестве и отданных на воспитание дальней родне или в монастыри за пределами Риера. Обрати внимание на моровые поветрия и пожары, когда гибли целые семьи. Хорошо бы найти Марту.

Уве недоумённо захлопал ресницами.

– Нашу Марту?

Я испустил горестный вздох.

– Любую Марту, Уве! Любую!

– Но зачем, магистр?!

– Я не оставляю надежд пристроить её в университет, а для этого неплохо будет обзавестись бумагами о рождении, да и подорожная ей вовсе не помешает.

Уве насупился.

– Собираетесь подделать документы? А почему просто не оформить всё официально?

Я покачал головой, поскольку не хотел оставлять никому ни малейшего шанса связать девчонку с разыскиваемой в Рёгенмаре ведьмой. Марта должна стать уроженкой Риера, никогда не покидавшей пределы империи, а никак не возникшей из ниоткуда бродяжкой сомнительной репутации.

– Так прощай! – отмахнулся я. – Иди! Что не потратишь, оставь себе.

Уве задумчиво взвесил в руке монеты, кивнул и отправился выполнять распоряжение, враз позабыв обо всех неудобных вопросах. Оно и немудрено: вручённых мной двух талеров на подкуп клерков хватало с изрядным запасом. Да что там – с запасом! Если подойти к делу с умом, чиновники ратуши удовлетворятся и четвертью этой суммы.

После я немного поколебался, но всё же решил навестить Микаэля и проверить, как проходит его добровольное затворничество, а заодно оценить винный погреб маркизы. Отчёт о ревизии был уже закончен и даже переписан начисто, оставалось лишь согласовать его с Адалиндой и выслать в Ренмель. Да нам и самим стоило как можно скорее выдвигаться в столицу. И без того задержались в Риере сверх всякой меры. Ещё не хватало, чтобы канцлер счёл эту задержку неуважением или того хуже – признанием вины.

Кривясь от этих мыслей, как от зубной боли, я спустился на первый этаж и столкнулся там с Мартой, которая вознамерилась юркнуть на лестницу, но заметила меня и в нерешительности замерла на месте.

– Далеко собралась? – поинтересовался я.

– Тише, Филипп! – прошептала девчонка, приложив палец к губам.

– Удрала от учителей?

– Они меня с ума сведут!

Я подступил к ведьме и наставительно произнёс:

– Это всё в твоих собственных интересах!

– Знаю, – понурилась та. – Знаю, Филипп! Только за седмицу из деревенской ведьмы не сделать благородной дамы!

– Но можно заложить фундамент.

– А ещё можно свихнуться и кого-нибудь убить! – огрызнулась Марта. – Я больше так не могу!

Я покачал головой, взял девчонку под руку и повёл за собой.

– Один час. Потом вернёшься к занятиям.

– Спасибо Филипп! – Девчонка поцеловала меня в щёку и поспешила следом. – Как тебе платье? Красивое, правда? Мне сказали, это цвет морской волны!

– Замечательное платье.

– А ты когда-нибудь видел море, Филипп?

– Один раз.

– Оно действительно такого цвета?

Я неопределённо пожал плечами. В день, когда я видел море, у него был цвет горящих кораблей и разбухших утопленников, дыма и огня. Императорские войска вошли в Баргу, объединённый флот Лонского союза и Остриха жёг рвавшихся из гавани еретиков, и вспоминать о тех красках совершенно не хотелось.

– Филипп?

– Платье лучше, – сказал я, открывая дверь винного погреба.

Марта замешкалась на верхней ступени, и я легонько подтолкнул девчонку в спину, заставляя спуститься к едва разгонявшему темень подземелья огоньку лампы. Ведьма осмотрела ряды бочонков, заставленные бутылками полки, свисавшие из-под потолка колбасы и окорока, потом кисло глянула на восседавшего за столом Микаэля и страдальчески вздохнула.

– Через час я сама отсюда с радостью убегу, – укорила меня девчонка.

– Убежишь-убежишь! – подтвердил маэстро Салазар, перед которым стояло полдюжины откупоренных бутылок. Вскрывать бочонки он посчитал излишним, а из еды ограничился мясной нарезкой и краюхой белого хлеба.

Я смахнул пыль с деревянного табурета и передвинул его Марте, девчонка осторожно присела на краешек, словно не желала помять или испачкать пришедшее по душе платье, и с сомнением посмотрела на бутылки. Микаэль порывлся в каком-то шкафу, выставил на стол ещё две кружки и расплылся в счастливой улыбке.

– Ну-с... С чего начнём дегустацию?

– С чего-нибудь не слишком крепкого, – попросил я. – Надеюсь, сегодня всё же смогу переговорить с маркизой.

– Не торопись с этим, мне здесь нравится, – заявил бретёр, разливая по кружкам вино. – Нет, серьёзно, Филипп! Ты был прав! Целиком и полностью, как прежде не бывал прав ещё никогда!

– Я всегда прав. В чём конкретно я оказался прав на этот раз?

– Доля в трофеях – это сушая безделица по сравнению со всем этим великолепием! – рассмеялся Микаэль, обведя рукой подвал. – Тут можно жить! Милость небесная, да я тут и живу! Могу запереться и вообще никуда отсюда не выходить! Здесь мне до конца жизни вина хватит!

– Пьянь, – фыркнула Марта.

Микаэль глянул на девчонку с таким видом, словно собирался отвесить затрепину, но вино настроило его на благостный лад.

– Язычок свой раздвоенный прикуси, – лишь потребовал он и в несколько глотков ополовинил кружку.

– Ты что несёшь? – возмутилась Марта. – Я не...

– Все вы, бабы, змеи! – отрезал маэстро Салазар, прищёлкнул пальцами и выдал:

Гадюка кусает и впрыскивает яд.

Красотка травит душу, один лишь бросив взгляд!

Ведьма допила вино, поднялась с табурета и сказала:

– Пожалуй, пойду.

– Иди-иди! – рассмеялся Микаэль.

Я уселся на освободившееся место и передвинул бретёру опустевшую кружку.

– Чего ты так на неё напустился?

Маэстро Салазар неопределённо повертел в воздухе пальцами, затем махнул рукой.

– Да ладно тебе, Филипп! Давай выпьем!

И мы выпили, но я особо на вино не налегал и потому, когда в подвал сбежал растрёпанный Уве, ещё сохранял достаточную, пусть при этом и весьма относительную, трезвость мысли.

– Проблемы? – поинтересовался я у школяра, когда тот облокотился на стол в попытке перевести сбившееся дыхание.

– Не совсем, – невнятно ответил Уве и закашлялся, принялся отхаркивать мокроту.

Микаэль покачал головой и наполнил третью кружку. Школяр вытер губы замызганным носовым платком, хлебнул вина и с шумом перевёл дух.

– Так что случилось? – потребовал я объяснений. – Не пустили в архив?

– Пустили, и Марту я нашёл, даже не одну, – успокоил меня слуга и протянул мятый листок с тремя написанными в столбец именами. – Но там такое, магистр... Такое!

– Какое такое? – вздохнул я. – Ты отдышись, не части. Излагай с чувством, толком, расстановкой...

Уве сделал ещё один глоток и лишь после этого начал рассказывать о столь взволновавших его событиях.

– Из ратуши я пошёл в таверну «Под свиньёй», думал встретить Эберта, если они ещё не покинули город, – сообщил нам школяр. – А там – толпа! Не в таверне, у нашего отделения. Все злые как черти, за ворота пытаются прорваться, а их стражники не пускают. Заезд перегородили и палками самых резвых охаживают!

– Дела-дела! – присвистнул маэстро Салазар.

– Из-за чего сыр-бор? – спросил я. – Уве, ты ведь послушал, о чём люди толкуют?

Школяр смущённо покрутил головой.

– Ну они ругались в основном, магистр. И были очень злы на школяров. Я не рискнул приставать с расспросами...

– Наверное, оно и к лучшему, – решил я после недолгих колебаний.

Маэстро Салазар хмыкнул и многозначительно произнёс:

– А маркиза об этом ни словом не обмолвилась. – Он покрутил ус и добавил: – Странно – странно. Подозрительно!

– Она и не должна перед нами отчитываться, – заметил я и поднялся с табурета. – Давай-ка прогуляемся.

Микаэль кивнул.

– А давай!

– Мне с вами? – с надеждой уточнил Уве.

– Иди микстуры пей, – распорядился я.

– Да я...

– Бегом! – рыкнул на школяра маэстро Салазар и похлопал в ладоши. – Давай-давай!

Уве отошёл к двери, развернулся и неуверенно попросил:

– Жезл верните.

– Ещё чего удумал! – фыркнул бретёр.

– Но...

– Проваливай!

Микаэль метнул в школяра грязную тряпку, и тот спешно юркнул за дверь. Я покачал головой.

– Не слишком ты с ним круто? Это его жезл.

– И его жизнь, – кивнул маэстро Салазар. – Всё так. Но нравится он мне, пусть поживёт ещё.

– Не сгущай краски, – поморщился я.

Микаэль порывисто поднялся и раскинул руки.

– Посмотри на меня! – потребовал он. – Оцени моё эфирное тело!

Я рукой махнул.

– Брось!

– Нет, ты посмотри! – начал горячиться бретёр и с силой врезал кулаком по раскрытой ладони. – Оно всмятку! Я перегорел! Мне уже при всём желании не выправить эфирное тело. И чёрт бы с ним, проживу как-нибудь, но я не просто лишился способностей и убиваю тех, кого пытаюсь лечить, на меня и самого теперь целительная магия не действует. – Он указал на лоб. – Видишь какой рубец остался? А у тебя за полдня порезы затянулись!

– Мы сейчас об Уве говорим, не о тебе и не обо мне.

– У пацана едва залечено проткнутое лёгкое! И залечено оно, заметь, магией. Если он в том же темпе продолжит гробить своё эфирное тело, то не доживёт и до осени. Рана просто откроется, а там у него ещё и лёгочная артерия повреждена ко всему прочему.

Маэстро Салазар понимал в целительстве куда больше моего, так что я оспаривать его мнение не стал и лишь спросил:

– Ничего нельзя сделать?

Бретёр пожал плечами, налил в кружку вина, выпил.

– Самоконтроль, – произнёс он после этого. – Полностью отказываться от тайного искусства нельзя, но надо знать меру. Меру-меру. Понимаешь?

– Да чего тут не понять? – хмыкнул я и предупредил: – Встретимся на конюшне. – А сам поднялся в комнату, прихватил трофейный пистоль, отыскал Уве и погнал того обратно в подвал.

– Зачем мы здесь? – удивился школяр.

– Будешь держать оборону до нашего возвращения в город, – объявил я с непроницаемым выражением лица.

У слуги дёрнулся глаз.

– Вы серьёзно, магистр?

Я выставил у дальней стены крышку бочонка, вернулся к слуге и вручил мешок с трофейным кавалерийским пистолем, принадлежностями для чистки и пороховницами. Школяр разложил всё это богатство на столе и не удержался от восхищённого цоканья языком.

– Это мне?

– Владей!

От удивлённой улыбки школяра не осталось и следа.

– Намеряете, на магию мне больше полагаться не стоит?

– Твоя жизнь, – пожал я плечами и выложил на стол выправленный сеньорой Белладонной патент на огнестрельное оружие. – Если ещё не проникся осознанием того простого факта,

что колдуны умирают точно так же, как простецы, мне до тебя уже не достучаться. Нужен козырной туз в рукаве или нет – решай сам.

Уве нахмурился было, но не удержался и принялся с интересом вертеть оружие в руках.

Ну ещё бы! Собственный пистоль – это же мечта любого мальчишки, пусть даже он десять раз маг.

Я в двух словах объяснил, как управляться с оружием, проконтролировал процесс зарядки и указал на крышку бочонка.

– Целься!

Паренёк вытянул руку, я отступил на шаг назад и зажал уши ладонями. Грохнул и заметался под сводчатым потолком хлопок выстрела, затянуло всё сизое марево порохового дыма. Когда оно рассеялось, стало видно, что пуля лишь слегка зацепила край крышки в её правом верхнем квадранте.

Оценив результат, я дал Уве пару советов, похлопал на прощание по плечу и оставил упражняться в стрельбе. Самому дышать пороховой гарью нисколько не хотелось, да и Микаэль уже заждался, опять ворчать будет...

2

В Риер пришло лето. Не слишком жаркое, скорее – удушающе тёплое. Северные ветра утихли, флюгеры на крышах неподвижно замерли, флаги и вымпелы обвисли, на небе не виделось ни облачка. Микаэль ограничился жакетом, да ещё не стал застёгивать на все пуговицы сорочку; я надел камзол, а вместо шпаги сунул за оружейный ремень один из пистолей и прихватил с собой волшебную палочку. Едва ли приор здешней миссии ордена Герхарда-чудотворца отменил награду за мою голову, приходилось быть настороже.

Резиденцию рода цу Лидорф мы покинули через вход для слуг и сразу направили лошадей в ближайший переулок, покрутились немного по округе, дабы убедиться в отсутствии слежки, и лишь после этого поскакали к Риерскому отделению Вселенской комиссии по этике. Неладное заподозрили уже в университетской округе, где оказалось непривычно много стражников, а педели все до единого вооружились крепкими палками. Когда же прямо у нас на глазах словесная перепалка обернулась дракой между компанией горожан и школярами, стражи порядка отреагировали на удивление быстро и жёстко, не делая никаких поблажек ни одной из сторон, хоть обычно и старались в столкновениях с представителями учёного сословия особо не лютовать.

Ангелы небесные! Да что тут стряслось?

– Служебные перстень снял? – уточнил Микаэль.

– Даже не надевал, – ответил я и направил коня на одну из узеньких улочек, решив сделать небольшой крюк и объехать главное здание университета. Мне категорически не понравились пристальные взгляды стражников, да и школяры глядели ничуть не добрее, и меньше всего хотелось очутиться меж двух огней.

– Ты что-нибудь понимаешь, Филипп? – спросил меня маэстро Салазар, когда университетская округа осталась позади. – Простецы и школяры, конечно, друг друга на дух не переносят, но драки средь бела дня обычно не затевают. Понимаю, если праздник или гуляния! Когда подопьёшь, кулаки сами чесаться начинают...

– Думаю, кто-то кого-то убил, – решил я. – Остаётся узнать кто и кого...

Уве не обманул и ничего не напутал, отделение Вселенской комиссии и в самом деле оказалось взято в самую натуральную осаду. Ближайшие к особняку улицы заполонили взбодраженные горожане, у многих в руках были палки, поперёк дорог стояли телеги. Но через ограду никто перебраться не пытался, да и вплотную к воротам бюргеры приближаться не

решались. Опасались лезть на рожон даже цеховые подмастерья, коих в толпе было едва ли не большинство, и неспроста: у приоткрытых створок выстроились не наёмные охранники и даже не увальни из городской стражи, а ландскнехты в цветах маркграфа Мейнарда. Провоцировать тяжёлую пехоту никто из черни не рисковал, и всё ограничивалось словесными оскорблениями и пронзительным свистом; гвалт стоял такой, что закладывало уши.

Мы не стали соваться в толпу, немного покрутились по округе, и я отправил Микаэля разведать обстановку в одно из питейных заведений, а сам остался караулить лошадей. Четверть часа спустя бретёр вышел на улицу, как-то странно глянул на меня и со значением произнёс:

– Не зря мне папенька наказывал с шулерами в карты не играть...

– Да говори уже! – досадливо поморщился я.

– Говорю-говорю, – фыркнул Микаэль, забираясь в седло. – Слух пошёл, будто девиц похищали и убивали школяры-солнцепоклонники, вот горожане и взбеленились.

– Даже так? – хмыкнул я. – Красиво!

– Не знаю – не знаю, – покачал головой маэстро Салазар. – Как по мне – перебор.

Я кивнул. Слухи об ужасающих преступлениях сектантов наилучшим образом отвлекали внимание от служанки Адалинды, вот только ситуация могла в любой момент выйти из-под контроля. Если толпа решится на штурм отделения Вселенской комиссии, крови прольётся столько, что сеньора Белладонна вылетит в отставку быстрее пробки из бутылки игристого вина.

Микаэль, впрочем, моих опасений не разделял.

– Сегодня толпе бросят кость, – сообщил он. – Та парочка, которую задержали мы с тобой, пошла в отказ, их будут судить. А вот дурачок, хлебнувший отравы, окончательно рехнулся и только и делает, что твердит о величии солнца. Его виновность признана очевидной, казнь состоится этим вечером. Так говорят.

Я потёр переносицу.

– Подожди, а чего тогда бузят подмастерья?

– Простая арифметика, Филипп, – рассмеялся бретёр. – Арестантов трое, казнят только одного. Люди недовольны и подозревают, что Вселенская комиссия выгораживает своих. Вроде, кто-то из коллег не от большого ума заикнулся об их непричастности к убийствам девиц.

– Ситуация... – протянул я и взглянул на небо. Солнце начинало понемногу клониться к закату, и было совершенно непонятно, почему казнь назначили на столь поздний час. Хотя, если разобраться, вполне логично сжечь солнцепоклонника именно после заката, дабы лишить смерть язычника символичности и убрать малейший намёк на жертвенность.

– Что будем делать? – спросил Микаэль.

– Костёр запалят на Червонной площади? – предположил я.

– Бери выше! – рассмеялся маэстро Салазар. – Эшафот сколотили перед кафедральным собором! – он задумчиво покрутил ус. – Желаешь почтить своим присутствием казнь?

– Желаю. Только надо как-то убить время.

Микаэль кивнул и выдал двестише:

Клинок, вино и женщина – священная триада,
Чего ещё желать мне? Мне большего не надо!

Я усмехнулся.

– Обойдёмся сегодня без женщин.

– А вина вдосталь и в подвалах маркизы, – добавил бретёр и прищёлкнул пальцами. – Слушай, Филипп! Блондин показал мне один чудесный оружейный магазинчик. Туда как в музей ходить можно!

– Поехали!

Микаэль оказался совершенно прав – ассортимент лавки и в самом деле вызывал завистливое уважение, перемежаемое откровенным восхищением. Помимо разных образчиков клинкового оружия, там были представлены и арбалеты с мушкетами, и даже пистолы, вот у заवेशенной ими стены я и застрял, поскольку моя выдавшая виды пара смотрелась на фоне всего этого великолепия откровенно бледно. Впрочем, даже мысли не возникло обновить свой арсенал, и дело было отнюдь не в заоблачных расценках. Просто сроднился я в некотором роде со своими пистолетами, чего уж там.

Приказчик намётанным взглядом определил в нас двух скучающих зевак, а посему просто ходил по пятам словно тень, не утруждая себя расхваливанием образчиков представленного в магазине оружия. Вместе с тем, и слишком уж назойливо он за спиной не сопел, поскольку всё тот же опыт подсказывал, что выгоду может принести и наше бесцельное блуждание по залу. Земля слухами полнится, а мало ли кому мы расскажем об этом замечательном заведении?

Удивительное дело, но без покупок всё же не обошлось. Некоторое время спустя я приметил дамский набор из двух заколок для волос в половину локтя длиной, складного перочинного ножика с рукоятью из апельсинового дерева и миниатюрного кинжалчика. Все эти безделушки были выкованы из мозаичной стали серебристо-синих тонов, отдалённо напоминавших цвет льдистых глаз Марты, а трёхгранные заколки с резными янтарными головками больше напоминали стилеты, нежели аксессуары модниц. Впрочем, придворные красотки – те ещё ядовитые гадюки.

– Мерсанская сталь, – в один миг оказался рядом приказчик. – Работа рольдских мастеров. Здесь и клейма имеются...

– Нет, Филипп! – рассмеялся Микаэль. – Не выбрасывай деньги на ветер!

– Не станет же она ходить на занятия с разделочным ножом, – сказал я, имея в виду Марту.

– Магу ножи ни к чему.

– Ты сам слышал, что сказал? Ножи нужны всем.

Приказчик незамедлительно кивнул.

– Истинно так. Ваша правда, сеньор.

– Сколько?

– Десять талеров.

Я презрительно фыркнул.

– Сбросьте половину и по рукам.

– Немыслимо! Набор попросту уникален!

Микаэль провёл пальцем по краю деревянного ящичка и продемонстрировал приказчику пыль.

– Уникальные вещи продать непросто, а пять талеров – это пять талеров. Пользуйтесь случаем, любезный. Пользуйтесь-пользуйтесь.

В итоге за набор пришлось выложить семь полновесных монет, но я нисколько по этому поводу не переживал. Не последние отдал, в конце-то концов.

– Балуешь ты её, – заметил маэстро Салазар, когда мы вышли на улицу. – Балуешь-балуешь.

– Брось! – отмахнулся я. – В пирамиде без девчонки нам пришлось бы лихо, разве нет? Уве шпагу и пистоль получил, Марте ножи подарю. Такой красотой и человека зарезать приятно.

Бретёр только хрюкнул и никак моё высказывание комментировать не стал, но, как видно, шутку оценил, поскольку больше эту тему не затрагивал.

– Подкаблучник, – лишь пробормотал он негромко, когда мы тронулись в путь.

К нашему возвращению людей у отделения Вселенской комиссии заметно прибавилось, горожане заполонили все соседние улочки и настроены они теперь были куда серьезней, нежели ещё час назад. На смену беспорядочным крикам и свисту пришло слаженное скандирование, к палкам добавились факелы. Собравшиеся, все как один, требовали покарать арестантов здесь и сейчас, в противном случае угрожая сжечь их прямо в обители моих коллег, но пока что от слов к делу перейти никто не решался.

– Ты смотри! – указал вдруг Микаэль куда-то в толпу. – Вон тот лысоватый живчик в кожаном жилете! Смотри!

Я пригляделся и очень быстро заметил мужичка, который явственным образом подзуживал соседей, хлопками ладоней задавал ритм и без промедления разевал пасть, когда выкрики начинали сходиться на нет.

– Возьмём в оборот? – предложил маэстро Салазар, не слишком, впрочем, уверенно. – Он же не задарма глотку дерёт, кто-то заплатил.

– Опасно, – засомневался я. – Если что-то пойдёт не так, нас на куски порвут.

– Порвут-порвут, – согласился Микаэль и без промедления выдал на эту тему рифмованное высказывание:

Толпы простецов страшнее нет, пойдёшь поперёк – сломают хребет!

– Давай-ка лучше попробуем его коллег высмотреть, – решил я. – Он ведь точно тут не один такой...

Но понаблюдать за провокатором не вышло; почти сразу с соседней улочки выдвинулся отряд стражи, и загородившиеся щитами крепкие парни принялись раздвигать толпу и выдавливать её с мостовой. Нас отгеснили в какой-то переулок, и некоторое время ничего не происходило, а затем горожане взревели с такой силой, что едва не заложило уши.

– Убийца! Язычник! Смерть! Смерть! Смерть!

Стражники кое-как сдерживали бургеров, давая проехать процессии с отрядом тяжёлой кавалерии во главе. За верховыми катила карета с символикой Вселенской комиссии на дверцах, дальше в окружении пехотинцев ехала телега с железной клеткой, в которой скорчился школяр. Следом подпрыгивала на неровной брусчатке ещё одна карета, а замыкал шествие отряд вооружённых до зубов ландскнехтов.

В солнцепоклонника летели камни и нечистоты, что-то отскакивало от прутьев решётки, что-то попадало внутрь. Самые рьяные горожане пытались ткнуть школяра палками, но мало кому удавалось проскочить мимо алебардчиков, а брошенный в телегу факел погас в воздухе, словно его опустили в ведро с водой. Помимо ландскнехтов оберегали арестанта и колдуны.

Когда процессия миновала наш переулок, толпа бурлящим потоком повалила следом. Смолкли крики, улица опустела, но поглазеть на казнь ушли отнюдь не все. Памятуя о двух оставшихся в особняке Вселенской комиссии школярах, часть горожан взялась караулить ворота. Надо ли говорить, что примеченный нами лысый живчик вертелся там в компании столь же подозрительных персон?

– Это неспроста, – заметил маэстро Салазар.

– И не говори, – кивнул я и махнул рукой. – Ладно, едем!

Сам не знаю зачем, мы поехали к ратуше. Наверное, просто хотелось оценить, как всё пройдёт. С учётом некоторых уже бросившихся в глаза странностей во время экзекуции могли случиться весьма прелюбопытные эксцессы, но кто бы ни занимался организацией казни, он предусмотрел решительно всё. Эшафот окружало тройное кольцо стражи и сколоченных из бруса загоронок; ничуть не менее серьёзная охрана отсекала разгорячённую толпу от ступеней ратуши. Полагаю, дело не обошлось и без шпиков, а в окрестных переулках наверняка дежу-

рили на случай возможных беспорядков отряды ландскнехтов. И потому беспорядков не случилось.

Лошадей пришлось оставить за три квартала на заднем дворе попавшейся по пути таверны. Местный вышибала за небольшое вспоможение взялся приглядеть за ними, и мы со спокойной душой выдвинулись к площади, расталкивая стекавшихся туда зевак. Столпотворение на окрестных улочках царило жутчайшее, и к тому времени, когда подобрался к месту казни, школяра уже ослепили и оскопили, переломали железным прутом руки и ноги. Язычник попытался выкрикнуть что-то вроде «солнце за нас!», но мигом лишился языка, а затем дюжие парни споро прикрутили его верёвками к столбу и начали обкладывать этот кусок мяса вязанками хвороста.

На балконе ратуши вольготно расположился маркграф с присными, там же сидели епископ и маркиза цу Лидорф, компанию которой составлял Мориц Прантл.

– Рыбак далеко пойдёт! – крикнул мне в ухо маэстро Салазар.

Я потянул его за собой, пробрался через толпу к оцеплению и продемонстрировал капралу стражников служебный перстень. Тот кивнул и дал команду пропустить нас на ступени ратуши, где отдельно от черни расположились наиболее родовитые аристократы, преуспевающие купцы, гильдейские старшины, цеховые мастера, нотариусы и некоторые представители учёного сословия, в том числе и мои коллеги.

– Ренегат! – тут же послышалось откуда-то со стороны, и к нам протолкался Франсуа де Риш. – Какими судьбами? Я думал, ты уже на полпути в Ренмель!

Все последние дни я своё присутствие в Риере не афишировал и резиденцию маркизы цу Лидорф не покидал, так что лишь пожал плечами и сказал:

– Пришлось задержаться.

– Это очень хорошо, просто очень хорошо! – обрадовался Блондин. – Желаете досмотреть экзекуцию до конца?

– Есть предложение получше? – спросил я.

В этот момент вспыхнул хворост и пламя разогнало сумрак, а толпа взревела так, что едва не лопнули барабанные перепонки, но Франсуа всё понял верно, ухватил меня под руку и потащил к оцепленному ландскнехтами переулку, по которому должны были расходиться после казни лучшие люди Риера.

Стоило только покинуть площадь, и Микаэль сразу встрепенулся.

– А вот здесь, помнится мне, недурственный кабачок!

– Веди! – разрешил Блондин, и мы спустились в подвал, где скучал в ожидании посетителей хозяин. На многих столах стояли кружки, где-то лежали тарелки с объедками. Как видно, и клиенты, и прислуга убежали глазеть на сожжение язычника.

– Уже спалили мерзавца? – оживился при нашем появлении кабачник.

– Догорает.

– Эх, эдакое невезение! Всё пропустил! – расстроенно покачал головой мужик, но мы ему сочувствовать не стали. Мог бы и запереть на время заведение, а побоялся выручку потерять, так нечего теперь сокрушаться.

Франсуа сунул маэстро Салазару серебряную монету в пять крейцеров и попросил:

– Будь добр, возьми вина на свой вкус.

Микаэль отошёл, а мы с Блондином расположились за одним из столов подальше от входа. Магистр-исполняющий достал расчёску и начал приводить в порядок растрепавшуюся гриву соломенного цвета волос, потом спросил:

– Где пропал?

– То тут, то там, – пожал я плечами. – Никак не мог согласовать с Адалиндой отчёт. Сам понимаешь, ей было не до того.

– Ну да, ну да, – покивал Филипп и уточнил: – Надолго удержишься в Риере?

Я с интересом взглянул на Блондина и сказал:

– Думал, закончить дела сегодня. А что?

– Получен приказ вывезти школяров в Ренмель, – предельно понизив голос, сообщил Франсуа де Риш.

– На кой? – не сдержал удивления маэстро Салазар, который уже выставил на стол кружки и разливал по ним из кувшина красное вино.

Магистр лишь руками развёл.

– Не ко мне вопрос. Приказ идёт с самого верха.

Я отпил вина и осторожно заметил:

– Выполнить его будет непросто.

– Ты мне это говоришь?! – фыркнул Блондин и приложился к своей кружке, враз её ополовинив. – Планировалось сделать это втихую, но горожане слишком хорошо организованы. Кто-то их направляет, дело нечисто.

Мы рассказали о замеченном в толпе провокаторе, и Франсуа тяжело вздохнул.

– Взять бы эту сволоту за жабры, – мечтательно произнёс он, но сразу опомнился и махнул рукой. – Забудьте! Это мои заботы, придумаю что-нибудь. В любом случае послезавтра мы выдвигаемся в Ренмель.

– Не завтра? К чему терять целый день?

– Рыбак хочет дать утихнуть страстям. Ландскнехты помогут вывезти школяров из отделения, но они прикроют нас только до границ старых кварталов.

Я задумчиво хмыкнул и спросил:

– Мы можем чем-то помочь?

– Ещё спрашиваешь! – усмехнулся Франсуа. – У нас каждый человек на счету!

Микаэль переглянулся со мной и уточнил:

– Значит, послезавтра?

– Да, на рассвете. Если решите присоединиться, в отделение лучше приехать с вечера.

– Постараюсь быть, – пообещал я, поскольку нам в любом случае давно пора было выдвигаться в Ренмель, а путешествовать с коллегами и проще, и безопасней. Да и помощь в такого рода предприятии мне точно зачтётся.

На улице послышались возбуждённые голоса, и в подвал начали спускаться раскрасневшиеся горожане, в трактире вмиг стало тесно, душно и очень громко. Мы допили вино и разошлись.

Глава 2

1

Сеньора Белладонна объявилась уже за полночь. По случаю казни маркграф Мейнард устроил для своего ближнего круга приём и, уж не знаю, обсуждались ли там серьёзные дела, но без возлияний точно не обошлось. Глаза Адалинды блестели, а тонкий аромат духов не мог перекрыть запаха вина. Впрочем, от разговора со мной маркиза уклоняться не стала и пригласила в рабочий кабинет, разве что велела Микаэлю принести из погреба, как она выразилась, «что-нибудь приличное на его собственное усмотрение».

Маэстро Салазар выразительно посмотрел на буфет, фыркнул и покинул комнату. Когда за ним закрылась дверь, Адалинда под лёгкий шорох траурного чёрного платья опустилась в кресло, указала мне на соседнее и спросила:

– Твой отчёт, Филипп, он уже готов?

Я кивнул в сторону рабочего стола маркизы, та улыбнулась.

– Очень хорошо, подпишу его утром. Магистр Прантл покидает Риер послезавтра, думаю, тебе имеет смысл уехать вместе с ним. Не подумай, будто выгоняю, но так будет лучше... для всех.

– Ну разумеется, – усмехнулся я и спросил напрямую: – Это ты распустила слухи, будто девиц похищали школяры-солнцепоклонники?

Адалинда ответил долгим, пронзительным и совершенно трезвым взглядом.

– Нет, – наконец ответила она и, не дав вставить ни слова, добавила: – Но я не предприняла всех должных мер, дабы эти слухи пресечь. Причины, думаю, объяснять не нужно?

Я покачал головой, не испытав особых сомнений в искренности собеседницы. Пусть сами по себе слухи были маркизе и выгодны, но вот столь радикальное обострение ситуации в итоге не могло не ударить и по ней.

– Кто-то подстрекает горожан к беспорядкам, – заметил я.

– Простецам кинули кость, они уймутся. Казней больше не будет.

– Чья идея вывезти школяров в Ренмель? Рыбака?

– Ничего-то ты не знаешь, Филипп, – устало вздохнула сеньора Белладонна. – Приказ идёт с самого верха. Чокнутого язычника списали со счетов, но, если его подельники не придут в столицу в целости и сохранности, полетят головы. Проклятье! Нам даже допросить их не позволили!

– С чего бы? – поразился я, поскольку подобного рода судебные процессы всегда проводились на местах.

Адалинда поморщилась.

– Солнцепоклонники зашевелились по всей империи. Жертвы во славу солнца приносили в Клиане, Стожьене, Лёгенбурге, Острихе, Миене и Бранене, но пока лишь в Риере и Ренмеле дело дошло до арестов. В столице тоже нашкодили школяры, только следствие почему-то ведём не мы.

– А кто тогда? Кабинет бдительности?

– Насколько знаю – нет. Но кто именно – не имею ни малейшего представления.

– Занятно, – хмыкнул я, перестал вышагивать по кабинету и, наконец, опустился в кресло. – Могу попросить тебя об услуге?

– Излагай, – разрешила сеньора Белладонна.

Я протянул маркизе полученный от Уве листок и пояснил:

– Есть возможность получить документы на одно из этих имён?

Адалинда внимательно изучила записи и позволила себе понимающую улыбку.

– Марта! – озвучила она фигурировавшее там во всех строчках имя. – Какие у тебя планы на эту девчонку?

– Кальворт, – односложно ответил я.

– Достойно, – одобрила сеньора Белладонна моё намерение устроить Марту в один из наиболее известных и престижных университетов империи. – Я посмотрю, что можно сделать. Думаю, выправить нужные бумаги не составит никакого труда.

– Очень меня обяжешь.

– Брось, Филипп! Для чего ещё нужны друзья?

Без стука распахнулась дверь, Микаэль прошествовал к столу и выставил на него оплетённую соломой глиняную бутылку, после отошёл к буфету за бокалами и штопором. Пока он срезал сургуч, извлекал пробку и разливал вино, мы не произнесли ни слова, а затем я взял инициативу в свои руки и провозгласил тост:

– За друзей! – отпил и вновь обратился к Адалинде: – К слову о друзьях! Как тебе новое приобретение?

Сеньора Белладонна пригубила вина и задумчиво посмотрела на меня поверх бокала.

– Ну и задал ты мне задачку, Филипп! – покачала она головой и смежила веки, то ли собираясь с мыслями, то ли смакуя напиток. – Уве Толен, бакалавр тайных искусств. Такого не назначить экспертом, но и в практическом плане он мало на что годится. Принимая во внимание состояние его эфирного тела, излишнее увлечение магией выйдет для мальчика боком.

– Справедливо, – хмыкнул маэстро Салазар и вопреки своему обыкновению не влил в себя всё вино, а сделал лишь небольшой глоток.

– Вместе с тем, он спас мне жизнь, – продолжила Адалинда, – и я обещала о нём позаботиться.

– Взять на службу и позаботиться – это несколько разные вещи, – отметил я.

– Не для меня! – отрезала маркиза. – У мальчика есть потенциал, и я не собираюсь гробить его в канцелярии!

Я выжидающе посмотрел на сеньору Белладонну.

– Какие тогда варианты?

– Вообще, – задумчиво произнесла Адалинда, – я намеревалась оплатить дальнейшее обучение в местном университете. Тут расчёт простой: лицензиат тайных искусств будет куда полезней бакалавра.

– И что изменилось? – не слишком вежливо перебил маэстро Салазар маркизу.

Сеньора Белладонна взглянула на бретёра с нескрываемой иронией и вдруг наставила указательный палец на меня.

– Филипп подал небезынтересную идею.

– В самом деле? – удивился я.

– Именно! – кивнула Адалинда. – Я без труда найму выпускника местного университета, возникни у меня вдруг такое желание, но Кальворт – это совсем другое дело. Я отправлю Уве в Кальворт, оплачу обучение и выделю достойную стипендию, а он после получения степени лицензиата отработает в Риерском отделении Вселенской комиссии... скажем... пять лет.

– Удивительно, что не требуешь в залог душу, – проворчал Микаэль.

Сеньора Белладонна это высказывание проигнорировала и обратилась ко мне.

– Что скажешь, Филипп? Мальчику нужно дать раскрыть свой потенциал, ты согласен?

Отправка Уве в Кальворт была для маркизы беспроектным ходом, с какой стороны ни посмотри: так он и квалификацию улучшит, и лишнего о событиях в Уллимонтисе никому не сболтнёт.

Я пожал плечами и предложил:

– Обсуди это с ним. Он достаточно взрослый, чтобы решать сам.

Ответом стал смех Адалинды и Микаэля. Те проявили удивительное единодушие, да оно и немудрено – Уве наверняка не станет принимать никаких решений, предварительно не посоветовавшись со мной, а мне и в голову не придёт отговаривать его от продолжения обучения.

– Условия вполне разумные, – пожал я плечами. – Надо лишь согласовать конкретные сроки и суммы, но об этом переговори с Уве.

– Я в любом случае напишу гарантийное письмо по оплате обучения, – заявила Адалинда. – Я помню хорошее. А вот стипендию придётся отработать. Лёгкие деньги развращают.

– И всегда лучше знать, что кто-то ждёт тебя и готов взять на работу, – добавил маэстро Салазар.

Я с удивлением уставился на Микаэля, тот взял со стола бутылку и принялся наполнять бокалы.

– Довольно! – отказался я. – Нам пора идти.

– И оставить недопитым этот чудесный нектар? – возмутился маэстро Салазар. – Да я не усну! Всю ночь буду ворочаться! Меня изжога замучает!

– Мик!

– Иди, Филипп! – отпустила меня сеньора Белладонна. – Не бойся, до смертоубийства не дойдёт. Вино и в самом деле чудесное. Даже не знала, что у меня такое есть.

– Иди-иди! – поддакнул Микаэль. – Не хочешь расслабиться сам, не мешай другим.

Я смерил эту парочку долгим изучающим взглядом, затем пожал плечами и отправился восвояси. Хоть час и был поздний, Марта еще не легла. В одной ночной сорочке она сидела за туалетным столиком и буравила взглядом шкатулку апельсинового дерева. Я велел приказчику оружейного магазина отправить покупку в резиденцию цу Лидорф, но никаких дополнительных распоряжений насчёт неё не оставил, вот девчонка и мучилась любопытством, неким женским чутьём угадав в непонятном предмете подарок. При этом проявила завидную выдержку и благоразумие и в шкатулку не полезла.

– Это тебе, – сказал я, начав раздеваться.

Марта немедленно откинула крючок и с интересом уставилась на лежавшие внутри заколки, нож и кинжал.

– Красивые... – сказала она некоторое время спустя и провела рукой по коротко-обстриженным волосам.

– Ожидала чего-то другого? – с улыбкой поинтересовался я.

– Серьги, – с удивительной непосредственностью ответила ведьма. – Видел, какие прелестные серьги у Адалинды?

Она всё же не удержалась и достала из шкатулки кинжальчик с изящным клинком, мозаичная сталь которого отливала серебристыми и голубыми разводами.

– Он бы замечательно смотрелся с теми синими камушками.

Синими камушками были немалых размеров сапфиры, и в чём-чём, а в дурном вкусе Марту было никак не обвинить. Я не удержался и улыбнулся.

– Серьги купишь себе сама.

– На какие шиши? – фыркнула девчонка, отложив кинжал.

– Продадим коня и осла, – спокойно ответил я, забираясь под одеяло. – Зачем они тебе в Кальворте? Только лишние траты.

– Кальворт? – зацепилась Марта за незнакомое название.

– Университетский город. Я и сам там учился.

Девчонка наморщила лоб и спросила:

– Это далеко?

– Не слишком. В горах между Северными марками и Виттенем. Виттен – одна из западных земель империи. Выдвинемся туда послезавтра. Точнее – в Ренмель.

– Почему именно туда? – удивилась Марта.

– Все дороги ведут в Ренмель, – и похлопал по кровати рядом с собой. – Иди спать. Уже поздно.

Марта погасила лампу и юркнула под одеяло, но на этом не утомилась и с нескрываемой печалью уточнила:

– Опять мне придётся изображать мальчика?

– Было бы странно, если бы мои слуги вдруг начали менять пол. Мартой станешь только в столице.

Ведьма хихикнула.

– Давай тогда напоследок пошумим! В дороге будет не до того.

«И не только в дороге», – мог бы отметить я, но не стал. Нашлось занятие поприятней, нежели портить нервы себе и другим.

2

В Риерское отделение Вселенской комиссии мы съехали только во второй половине следующего дня. И смысла торопить события не было ни малейшего, и сборы совершенно неожиданно оказались не столь уж и просты. Уве и Марта как-то неожиданно обросли за эту седмицу вещами, пришлось паковать их в мешки и навьючивать на осла.

– Адалинда слишком добра к этим оболтусам, – хмыкнул я, когда с приготовлениями к отъезду было, наконец, покончено.

– А ты ещё его покупать не хотел! – усмехнулся Микаэль.

Я хлопнул бретёра по отозвавшемуся солидным звоном кошельку и спросил:

– Выкупишь?

Маэстро Салазар надменно фыркнул и покачал головой.

– Ослами не интересуюсь.

– Жаль, – вздохнул я совершенно искренне, поскольку обучение Марты и её годовое содержание выбивало в моих финансах изрядных размеров брешь. Это всё не смертельно, конечно, особенно если получится сгладить на службе все острые углы и вместо вызова на дисциплинарный совет получить причитающееся жалование, но полсотни талеров сейчас бы вовсе не помешали. – Может, всё же выкупишь? Цену скину, не сомневайся.

– Не надо было от доли в трофеях отказываться! – припомнил мне Микаэль и кивком указал куда-то за спину. – Идёт.

Я обернулся и увидел вышедшую на задний двор Адалинду. Всю первую половину дня мы до хрипоты спорили с ней, согласовывая последние правки в отчёт о проверке следственных действий, и всё же наш отъезд маркиза не пропустила, как не позабыла и о просьбе обеспечить документами Марту. Шурша юбками строгого чёрного платья, сеньора Белладонна подошла, с усмешкой глянула в спину спешно отправившегося проверять лошадей Микаэля и протянула мне перетянутую тесёмкой пачку бумаг.

– Подорожная уроженки города Риер фрейлейн Кюстер, семьсот пятьдесят восьмого года рождения.

– Благодарю, – улыбнулся я, принимая документы. – Твоя помощь, Адалинда, просто бесценна.

– Всё в этом мире имеет свою цену, – цинично отметила маркиза, рукой в чёрной кружевной перчатке поправила шляпку и невеста с чего сказала: – Я попросила Уве присматривать за девочкой.

– Очень любезно с твоей стороны.

– Брось, Филипп! – отмахнулась сеньора Белладонна. – У меня в этом деле, уж прости за прямоту, имеется шкурный интерес. Через год ты и думать забудешь о девочке, а я всегда буду рада принять её на службу.

Ну ещё бы! Заполучить истинного мага не откажется ни один магистр-управляющий, так что предусмотрительности Адалинды оставалось лишь позавидовать. Но – нет, не забуду. Такая... девица нужна самому.

Я покачал головой, и маркиза улыбнулась.

– Мне ли не знать, сколь непостоянна мужская натура? – сказала она и, понизив голос добавила. – И потом, Филипп, вовсе не факт, что ты этот год переживёшь. С твоим-то везением! Ты ввязался в опасную игру и...

– Что – и? – поторопил я замолчавшую на полуслове собеседницу. – Говори, раз уж начала.

– Твои способности противоестественны, – не стала отмалчиваться сеньора Белладонна. – На мой счёт можешь не волноваться, мне до этого дела нет. Но повторюсь – эфирное тело не червяк, душу невозможно рассечь на две полноценные части. С тобой что-то не так, Филипп. Очень-очень сильно не так. И не имеет значения, был ты со мной полностью открыт или выдумал всё от начала и до конца. Понимаешь, о чём я?

Святые небеса, кому понять как не мне?! Адалинда прямо намекала на мою связь с запредельем! В историю с рассечением эфирного тела она не поверила и, надо сказать, эта её убеждённость в невозможности подобного развития событий меня откровенно беспокоила. Я всегда смотрел на ситуацию под одним-единственным углом зрения, но сейчас лишь с немалым трудом отогнал совершенно неуместные сомнения в собственной правоте.

«Вздор!» – мог бы воскликнуть я. – «Со мной всё в порядке!»

Мог бы – но не стал, лишь молча кивнул, чем заслужил благосклонную улыбку Адалинды.

– Береги себя, – попросила она и направилась к стоявшему в дверях конюшни Микаэлю.

Долго разговор этой парочки не продлился, они перекинулись буквально парой фраз, а потом маркиза помахала нам на прощанье и ушла в дом. И тут же ко мне подступил Уве, которого неожиданное известие о грядущем обучении в Кальворте поразило до глубины души. Всё утро школяр в необычайной задумчивости слонялся по особняку, но было видно, что очередной выверт судьбы скорее порадовал его, нежели вогнал в уныние.

– Чего тебе, Уве? – поинтересовался я у переминавшегося с ноги на ногу школяра, который никак не мог собраться с решимостью меня о чём-то попросить.

– Мой жезл, магистр... – произнёс он, нервно покручивая на пальце новенький серебряный перстень ассистента магистра-управляющего. – Верните, пожалуйста...

Вид школяр при это имел донельзя смущённый, но мне и в голову не пришло пытаться его отговорить. Я расстегнул саквояж, и протянул пареньку волшебную палочку, правда, не преминул при этом предупредить:

– Уве, ты теперь сам себе хозяин, своя голова на плечах. Просто учти, что, когда в следующий раз надорвёшься, тебя могут уже и не откачать.

– Учту, магистр, – с достоинством ответил школяр, принял жезл и тут же глухо забухал, пытаясь совладать с приступом кашля.

Микаэль сочувственно похлопал пареньку по спине, а я окликнул ведьму.

– Марта! Что с лечебными травами? Надо пополнить запасы?

– На пару седмиц хватит, – покачала ведьма головой.

Маэстро Салазар смерил уже переодевшуюся в мужское платье девчонку придирчивым взглядом и вздохнул.

– Не Марта, а Мартин! – укорил он меня. – И, Филипп, тебе не кажется, что её пора сажать на диету?

– Куда-куда меня надо посадить? – насторожилась ведьма.

Уве фыркнул, подавившись, смешком.

– Что ещё? – возмутилась девчонка. – Что я смешного сказала?

– В переводе со староимперского слово «диета» означает «режим питания», – пояснил я Марте. – Маэстро намекает, что ты слишком много кушаешь в последние дни.

– И ничего я не намекаю, я прямо говорю, как есть! – заявил Микаэль.

Ведьма сверкнула льдисто-серыми глазами и зло спросила:

– Тебе жалко, что ли?

– Да ни в жизни! – улыбнулся бретёр. – Но Адалинда откормила тебя до такой степени, что на мальчика ты уже как-то и непохожа.

Уве прекратил давиться смехом и расхохотался в голос, а маэстро Салазар потрепал девочку по щеке. Та вспыхнула, откинула его руку в сторону и ушла, но перед тем с обидой посмотрела на меня.

– Микаэль, ты к ней несправедлив, – укорил я подручного. – За последние дни она, конечно, немного... округлилась и прибавила в весе, но дело не столько в питании, сколько в эфирном теле. Когда я встретил Марту, оно больше напоминало лохмотья, а сейчас восстановилось и перестало иссушать плоть.

Маэстро Салазар кивнул и вдруг отвесил Уве затрещину.

– Чего ржёшь как сивый мерин? Мотай на ус! Если не приведёшь в порядок энергетические узлы, ничем хорошим для тебя это не закончится.

Школяр потёр затылок и обиженно засопел, но дерзить бретёру не решился; Микаэля он откровенно побаивался.

– Учту, – пробурчал Уве.

– Учти-учти! – кивнул маэстро Салазар и вдруг послал воздушный поцелуй кому-то за нашими спинами.

Я оглянулся и увидел в одном из окон сеньору Белладонну, она погрозила Микаэлю пальцем и скрылась из вида.

– Ну кто бы мог подумать! – озадаченно протянул я.

– Что тебя смущает, Филипп? – с нескрываемой ехидцей поинтересовался маэстро Салазар.

– Смущает меня, дружище, твоя расположенность к её светлости. Не замечал за тобой прежде подобного всепрощения.

– Всепрощение? Фьюи! – присвистнул бретёр. – Не забивай себе голову такой ерундой, Филипп. Я поквитался с Адалиндой за былое, только и всего. – Он подкрутил ус и с некоторой даже гордостью добавил: – Дважды.

– Что – дважды? – не понял Уве.

– Дважды поквитался, – пояснил маэстро Салазар. – Или думаешь, я на такое уже не способен? В старики меня записал?

Школяр покраснел.

– Как можно?! Что вы за человек такой? Её светлость в трауре! Она... она столько сделала для нас! А вы... говорите такое!

– Траур? Ну не знаю, не знаю. Панталоны на Адалинды были отнюдь не чёрные, – добил паренька Микаэль.

Уве развернулся и порывисто зашагал прочь, тогда бретёр обратился ко мне.

– Ох уж этот юношеский максимализм!

Я махнул рукой.

– Жги, Микаэль. Не сдерживай себя!

– В смысле? – Маэстро Салазар склонил голову набок. – О чём ты, Филипп?

– Сначала ты до крайности раздраковил Марту, затем плюнул в душу Уве. Теперь, надо понимать, пришла моя очередь. Разве нет?

Микаэль лишь фыркнул и без запинки выдал:

Правдоруба горек хлеб, се пропащий человек,
Простецам и даже графам он не сдался и вовек!
Вот лъстецы и лизоблюды – те везде в большой цене,
Хоть в таверне захудалой, хоть при княжеском дворе!

Я испустил страдальческий вздох.

– Есть разница между открыть человеку глаза и плюнуть ядом. И потом – чего ты напустился на Уве?

Бретёр подступил ко мне и постучал пальцем по груди.

– Юношеский максимализм! – со значением произнёс он. – У нашего юного друга слишком восторженный образ мысли и слабость к зрелым женщинам в теле. Видел бы ты фру Эмму из Рёгенмара!

Я страдальчески поморщился.

– И что в этом плохого?

– Плохо, что в этом конкретном случае Уве принимает хорошее отношение за расположение иного рода. Понимаешь, о чём я?

– Ты сгущаешь краски!

– Пусть так, зато теперь он точно не наговорит маркизе наивных и нелепых благоглупостей, вроде признаний в искренней и вечной любви, – продолжил настаивать на своём Микаэль.

Я с интересом присмотрелся к подручному. Тот всё понял верно.

– Гадаешь, не придумал ли я всё? – ухмыльнулся он и оттянул ворот сорочки, демонстрируя припухший след укуса. Полукружье оставленных зубами синих отметин прерывалось парой красных ссадин, где кожу проткнули клыки. – Если Адалинда и змея, то определённо не ядовитая, – подытожил маэстро Салазар.

Я никак комментировать его высказывание не стал.

Резиденцию рода цу Лидорф мы покинули в напряжённом молчании, но отнюдь не в тишине. Цокали по брусчатке подковы коней, шмыгала носом Марта, злобно сопел нахохлившийся Уве, беззаботно насвистывал под нос Микаэль. Я постукивал пальцами по луке седла и мысленно выстраивал в голове маршрут. Риерское отделение Вселенской комиссии по этике было конечной точкой пути, но до прибытия туда требовалось посетить представительство ордена Ангельской милости. Братья-ангелисты помимо множества благочестивых дел занимались ещё и проведением расчётов при разного рода сделках, а их долговые расписки полагались ничуть не менее надёжными, нежели векселя крупнейших банковских домов.

Уве и Микаэля я оставил во внутреннем дворе представительства ордена, а Марту потянул за собой, чем ту немало удивил.

– Зачем мы здесь, Филипп? – насторожилась ведьма, с некоторой даже опаской посматривая на посетителей и монахов.

– С тебя станется сцепиться с Микаэлем, а это не то место, где стоит устраивать скандал.

Марта в ответ на мои слова раздражённо фыркнула, но всё же переборола возмущение и промолчала. Меня подобная выдержка только порадовала.

В представительстве ордена мы в итоге пробыли немногим более часа. Помимо направления Марты Кюстер на факультет тайных искусств Кальвортского университета я оформил поручение на оплату первого года обучения, да ещё попросил составить долговое письмо, поскольку вручать девчонке кошель с золотом представлялось мне идеей в высшей степени сомнительной. А так при необходимости она всегда сможет получить оговоренную сумму в представительстве ордена.

Участие в судьбе Марты обошлось в пять дюжин дукатов, и не могу сказать, что этих денег было совсем уж не жаль, но я решил думать о тратах, как о вложениях в будущее. Объ-

занный тебе истинный маг – это хорошо, но несравненно лучше, если тебе обязан истинный маг с университетским образованием.

– Как продашь коня и осла, деньги при себе не держи, – предупредил я Марту, вручая ей полный комплект бумаг. – Переведи в долговые бумаги ордена или какого-нибудь банкирского дома.

– Это же куча золота! – опешила девчонка.

– Ты того стоишь, – уверил я ведьму, потрепал её по щеке и позвал. – Идём! И не вздумай распустить нюни! Ты сейчас Мартин – не забывай! – а мальчики не плачут.

– Все плачут, надо только побольнее ударить, – уверила меня Марта, несколько раз моргнула и отвернулась. – Да не плачу я, ресница в глаз попала! И такие траты... Я в жизни их не отработаю!

– Ещё как отработаешь! – усмехнулся я, вышел во двор и нахмурился.

Рядом с нашими конями нервно прохаживался насупившийся школяр, а вот маэстро Салазара видно не было.

Я спустился с крыльца и негромко спросил:

– Уве, где Микаэль?

Паренька явно так и подмывало ответить какой-нибудь дерзостью, вроде «я ему не сторож», но вместо этого он молча указал на выезд со двора. Я решил было, что маэстро Салазар по своему обыкновению отправился промочить горло в один из окрестных кабачков, но тут же заметил фигуру бретёра. Тот расположился в арке так, чтобы его не было видно с улицы, и внимательно наблюдал за прохожими.

Я подошёл и спросил:

– Что-то случилось?

– Не высовывайся! – потребовал Микаэль и потянул меня обратно к коновязи. – За нами хвост. Засветились мы вчера.

Святые небеса! Только этого ещё не хватало!

Я зябко поёжился и уточнил:

– Уверен?

– Одного субчика ещё по дороге сюда приметил. Сейчас выглянул – стоит, ждёт.

– Что будет делать?

– Вы езжайте. Я следом.

– Обойдись по возможности без поножовщины, – попросил я, забираясь в седло, а когда на меня выжидающе уставились Уве и Марта, отмахнулся. – Пустяки! Микаэль обо всём позаботится и нагонит нас позже.

Бретёр с довольным видом покрутил ус и предупредил:

– Встретимся в отделении.

– Подождите! – всполошился Уве. – О чём именно он позаботится? Точнее – о ком?

– Понятия не имею, – пожал плечами маэстро Салазар, – и тебя это волновать тоже не должно. За нами следят, от хвоста надо избавиться. Точка. Езжайте уже!

– Ни пуха! – отсалютовал я на прощание и поправил рукоять заткнутого за оружейный ремень пистоля.

Скорее всего за нами увязался именно соглядатай, а не убийца, но целиком и полностью полагаться на это предположение было по меньшей мере неосмотрительно. Микаэль заметил одного преследователя, да только его товарищи могли следовать за нами в некотором отдалении.

– Не зевайте! – сказал я своим путникам, и Марта растянула тонкие бледные губы в предвкушающей улыбке. Школяр тихонько вздохнул, вытянул из-за пояса колдовской жезл и переложил его в левую руку.

– Уве!

Паренёк перехватил мой укоризненный взгляд и опустил волшебную палочку, не став держать её на виду.

– Не нравится мне всё это, магистр, – проворчал он.

– Поверь, мне тоже, – ответил я, ничуть не покривив душой, и легонько сдвинул бока коня коленями. – Н-но!

Мы выехали со двора представительства ордена Ангельской милости и без всякой спешки поскакали по замощённой брусчаткой узенькой улочке. Я обшарил глазами спешивших навстречу прохожих, окна и даже крыши, но никого подозрительного не приметил, обернуться и увидел, как за нами пристраивается немолодой уже сеньор в неброском камзоле и на столь же неприметной лошадке.

Маэстро Салазар начал действовать, когда преследователь поравнялся с аркой. Шагнув на улицу, бретёр ухватил соглядата за ногу, поднатужился и вытолкнул его из седла. Не ожидавший нападения шпик со всего маху грохнулся на брусчатку, охнул от боли и начал как-то не слишком уверенно приподниматься, но получил каблуком сапога по голове и рухнул обратно. Микаэль для надёжности отвесил бедолаге ещё пару пинков, а после этого, не обращая внимания на крики и свист встревоженных прохожих, вскочил на своего жеребца и поскакал вслед за нами.

Стража этим инцидентом не заинтересовалась.

3

До отделения Вселенской комиссии мы в итоге добрались без приключений, а там сразу отвели лошадей на конюшню и заселились в выделенные по распоряжению маркизы цу Лидорф комнаты. Микаэль вознамерился было улизнуть в таверну «Под свиньёй», но я пресёк этот порыв в зародыше, опасаясь, как бы он не сцепился с обозлёнными горожанами и не загремел в кутузку накануне нашего отъезда из Риера. Пусть после вчерашней казни одного из солнцепоклонников страсти и поутихли, у ворот отделения так и продолжали скандировать проклятия и призывать на наши головы кары небесные полторы дюжины бездельников. Пока заезжали на территорию, я высматривал давешнего провокатора, но тот куда-то запропастился, зато в глаза бросилось несколько монахов нищенствующего ордена святого Матиса, которые, позабыв о смирении и всепрощении, требовали выдачи презренных язычников и убийц наравне с простецами.

– И не надоест им глотки драть! – с досадой произнёс маэстро Салазар, отошёл от окна и спросил: – Нас хоть покормят?

– Всенепременно, – уверил я подручного и посмотрел на переминавшегося с ноги на ногу Уве. – Что ещё?

– А мне чем заняться? – поинтересовался школяр.

Я не стал говорить, что теперь он сам себе хозяин, и повторил свой прежний совет.

– Не теряй время попусту, заводи нужные знакомства, пока есть такая возможность.

– Но я тут никого не знаю!

– Эберт, – напомнил я. – Он тоже где-то здесь.

Уве враз повеселел и убежал на поиски подмастерья магистра-исполняющего, Микаэль глянул ему вслед, пробурчал под нос что-то невразумительное и отправился следом. Марта тотчас прикрыла за ними дверь, скинула камзол на кровать и принялась стягивать через голову сорочку.

– Ты чего? – опешил я.

– Я и в самом деле растолстела? – огорошила меня девчонка неожиданным вопросом.

Рёбра ведьмы больше не выпирали из-под кожи и даже явственно наметилась грудь, но иначе как тощей её было не назвать, да и лицо ещё толком не растеряло вызванную излишней худобой жёсткость, и я совершенно искренне ответил:

– Нисколько.

– Так Микаэль всё выдумал? – испытующе взглянула на меня девчонка.

Мне вовсе не хотелось, чтобы она попыталась перерезать бретёру глотку, посему списывать всё на дурную шутку не стал и попытался сгладить ситуацию.

– Когда у девочек начинает расти грудь, они перестают фигурой напоминать мальчиков. Твоё эфирное тело восстановилось и организм берёт своё, очень скоро мужское платье перестанет превращать тебя в юношу, только и всего.

– Я не хочу становиться толстой! – заявила Марта.

– Выпороть тебя, что ли? – задумчиво пробормотал я. – Ты меня слушаешь вообще? Нормально всё с тобой! Тебе ещё поправляться и поправляться! Прекрати меня изводить!

Ведьма обиженно поджала губы и начала одеваться.

– Не забивай себе голову всякой ерундой, – попросил я и отправился на поиски Рыбака и Блондина.

Намеревался обговорить с ними наши дальнейшие шаги, да только обговаривать оказалось особо нечего; Мориц Прантл не стал городить огород, решив обманными манёврами попросту пренебречь.

– Выедем на трёх каретах, как только ландскнехты маркграфа разблокируют ворота, – сообщил он, приложился к бокалу с вином и продолжил: – Воякам это не составит никакого труда, смутьянов не наберётся и двух дюжин. Мы бы справились и своими силами, просто приказано не вступать в конфронтацию с простецами. Если кто-то пострадает, коллегам это непременно аукнется в будущем.

– Уверены, что это хорошая идея? – засомневался я.

Франсуа де Риш только руками развёл, а Мориц Прантл и вовсе рассмеялся.

– Брось, Филипп! Да что может пойти не так?

Я наполнил себе кружку из стоявшего на столе кувшина с вином, уселся в кресло и, закинув ногу на ногу, поинтересовался:

– Не допускаешь, что школяров попытаются отбить?

– Отбить? – не понял Рыбак. – Сообщники? Вздор! Мы вычистили всё их гнездо!

– Нет, не сообщники. Горожане. Дабы устроить самосуд, – пояснил я свою мысль.

Магистр-расследующий кивнул.

– Такое вполне возможно, – сказал он. – На этот случай нам придадут ландскнехтов.

– Они будут сопровождать кареты только в пределах старых кварталов, – со значением произнёс Блондин. – Это может стать проблемой.

– Всё я понимаю, не маленький! – вспыхнул Рыбак. – Но что ты предлагаешь? Втихую переправить арестантов через ограду?

– Не сработает, – флегматично отметил Франсуа, поболтал кружкой и сделал глоток. – А жаль. Идеальный вариант.

Мориц Прантл презрительно фыркнул.

– Тогда что? Законопатить в бочонки? Это ты предлагаешь?

– Почему нет?

– Потому что, такой... – Рыбак задумался, подбирая нужное слово, – манёвр будет однозначно расценен, как попытка вырвать арестантов из рук местного правосудия. Как будто мы играем на их стороне и даём шанс избежать наказания. А это не так!

Я досадливо поморщился, и Прантл застучал указательным пальцем по столу.

– Никто не примет в расчёт, что язычников через полгода сожгут в Ренмеле. Главное, что их не сожгут здесь и сейчас!

– Но ведь так и будут выглядеть наши действия в любом случае! – нахмурился Блондин.
– Так, да не так! – наставительно произнёс магистр-расследующий. – Мы в своём праве и должны действовать открыто. Не хитрить, не юлить, а при необходимости дать отпор. Это ясно? Любая уловка будет использована против нас!

Я покачал головой и вздохнул.

– Зачем школяры вообще понадобились в Ренмеле? Рядовой ведь случай, если разобратся.

– Не такой уж он и рядовой, – возразил Мориц. – Нешто не слышал о том, как солнцепоклонников Арбеса на каждом углу песочат? А ведь многие до сих пор полагают, будто Арбес далеко и тамошняя ересь не опасна. Вот эти выродки и послужат наглядным доказательством того, что тот гнойник должен быть выжжен и чем раньше, тем лучше!

– Политика, – вздохнул Блондин.

– Политика, – не стал спорить Мориц Прантл.

Я с обречённым вздохом допил вино и спросил:

– На меня у вас какие планы?

Коллеги переглянулись, Рыбак пожал плечами, и тогда Блондин предложил:

– Поедешь со мной в головной карете? И Салазара с собой бери. Да и вообще всех, кого сочтёшь нужным. Школяров во второй карете повезём, в замыкающей будут ритуалисты и магистр Прантл.

– Идёт, – сказал я и поднялся из кресла. – До завтра.

– Выезжаем на рассвете.

– Учту, – кивнул я и отправился восвояси.

У размещения в гостевых апартаментах отделения Вселенской комиссии имелось одно несомненное достоинство: Марте-Мартину пришлось смириться с невозможностью побрататься в мою комнату и ночевать с Уве и Микаэлем. Нет, в обычной ситуации я только поразился обществу ведьмы, но сегодня точно не обошлось бы без долгих душевных разговоров, а мне элементарно хотелось выспаться. День грядущий намечался не из простых.

Встали ещё затемно, наскоро позавтракали и сразу отправились на задний двор, где подручные Блондина уже впрягали в кареты одних лошадей и седлали других. Мориц Прантл на время поездки передал бразды правления в руки Франсуа де Риша, и магистр-исполняющий самолично распределял людей по каретам, разъяснял порядок движения в колонне и утрясал какие-то рабочие моменты с капралом приданных нам ландскнехтов. Незанятые подготовкой к отъезду подручные Рыбака побросали дорожные сумки и мешки на землю и о чём-то негромко переговаривались; кто-то проверял оружие, кто-то разминал запястья, покручивая магические жезлы.

– А мне куда? – растерялся от всей этой суеты Уве.

– Меня держись, – предупредил я, несколькими размеренными вдохами успокоил дыхание и погрузил сознание в лёгкий транс. Потом, намереваясь оценить состояние эфирного тела школяра, попросил: – Сделай какую-нибудь простенькую связку.

– Зачем ещё? – насторожился тот.

Микаэль придвинулся к пареньку с другой стороны и веско произнёс:

– Раз просят, значит, нужно.

Уве зло глянул в ответ – после вчерашней размолвки он не перекинулся с бретёром и парой слов, – но с нами двумя препираться не решился и выполнил мою просьбу, ловко крутанув магическим жезлом. Прежних наставлений школяр не забыл и держал волшебную палочку в левой руке.

Я оценил лёгкую дрожь, пробежавшую по эфирному телу Уве, и сказал Микаэлю:

– Не всё так плохо.

Тот встопорщил усы.

– Вернее сказать, нет особого ухудшения, – поправил он меня. – Гипертрофированность узлов никуда не делась и это может стать проблемой. Милость небесная! Да это уже проблема!

– Так глубоко я не заглядывал, – сознался я. – Меня интересовал отклик на простые чары.

– Ну, сразу не умрёт, – пожал плечами маэстро Салазар и с сомнением добавил: – Наверное...

Уве шумно засопел носом и жалостливо спросил:

– Ну зачем вы так, а?

Я ободряюще похлопал паренька по плечу.

– Не перенапрягайся, больше медитируй и доживёшь до ста лет.

– Доживёшь-доживёшь, – с ухмылкой поддакнул Микаэль.

Уве нервно передёрнул плечами и отступил на шаг назад.

– Довольно, магистр!

– Остынь, – потребовал я и указал на карету, которая должна была покинуть двор первой. – Накроешь защитным пологом, если попадём под обстрел. Только выясни для начала у людей Рыбака, какие они планируют использовать заклинания. А лучше попроси нас вообще не трогать.

– Какое плетение использовать? – заикнулся было школяр, перехватил мой взгляд и вскинул руки. – Понял! Обычное!

Я подступил к нему и понизил голос.

– О том усложнённом плетении – забудь. Поверь, Уве, мне действительно не хочется тебя хоронить.

– Да что вы заладили-то... – проворчал окончательно помрачневший школяр.

– То и заладили, – скривился Микаэль. – Уж сколько раз говорено: лопнет какой-нибудь энергетический узел из-за перенапряжения и захлебнёшься кровью.

Парень фыркнул, но ничего бретёру не ответил. Зато забеспокоилась Марта.

– Филипп, а мне куда?

– С нами поедешь, – успокоил я ведьму. – Если начнётся заварушка, укрой карету мороком и поддержи плетение Уве. Справишься?

Марта неуверенно кивнула. Маэстро Салазар тяжело вздохнул и покачал головой.

– Шапито на марше, – проворчал он, глядя за приготовлениями к отбытию.

Блондин неспроста выделил в наше полное распоряжение всю карету: от него требовалось рассадить полдюжины человек по козлам, да ещё поручить кому-то сопровождать процессию верхом. Предполагалось, что ландскнехты разместятся на запятках, а люди Рыбака возьмут на себя магическую поддержку и конвоирование арестантов.

Тех вывели из подвала непосредственно перед отправлением и сразу погрузили в карету. На руках и ногах солнцепоклонников звенели железом массивные кандалы.

– Жуть какая... – негромко сказала Марта.

Я цыкнул на девчонку и обернулся к Франсуа, который махнул рукой, привлекая наше внимание.

– Сеньоры! – повысил голос магистр-исполняющий. – Ситуация очень непростая, но призываю всех к спокойствию. В случае стычки с горожанами первыми оружие в ход не пускать! И, понимаю, это прозвучит глупо, только постарайтесь никого не убить и не покалечить!

Последняя фраза прозвучала как-то совсем уж неуверенно, словно Франсуа через силу выдавил её из себя, но уса́тый капрал ландскнехтов одобрительно покивал. Не из человеколюбия, разумеется; дело было исключительно в трезвом расчёте. Мы-то уедем, а беспорядки подавлять придётся ему и его парням. Лишняя работа за те же деньги – ну кому такое понравится?

К слову, большинство подручных Блондина вдобавок к шпагам и пистолям вооружились крепкими палками, так что я указал на это Микаэлю и уточнил:

– Всё понял?

Маэстро Салазар в ответ лишь закатил глаза.

– Выдвигаемся! – крикнул Франсуа де Риш. – Поехали!

Он взмахом руки отправил вперёд пару верховых, а сам забрался на козлы нашей кареты и устроился рядом с возницей. В передней стенке было сделано оконце, я открыл его и решил, что при необходимости смогу поддержать коллег огнём.

– Уве, щит! – напомнил я, когда наша колонна тронулась с места. – Только не наполняй его силой. Пока не надо, просто держи наготове плетение.

Школяр принялся скупыми движениями жезла ткать основу защитного полога, и немедленно до меня докатились лёгкие колыхания незримой стихии – это подчинённые Рыбака закрывали чарами две оставшиеся кареты.

– Микаэль, та дверь твоя, эту беру на себя, – предупредил я бретёра и упёр меж колен шпагу, но выезд из ворот прошёл без сучка, без задоринки.

Бравые ландскнехты слаженно шагнули вперёд и принялись древками алебард выдавливать с проезжей части возмутителей спокойствия. Горожане растерянно подались назад, тогда Блондин привстал на козлах и дал отмашку.

– Поехали! – крикнул он, и кареты одна за другой выкатились из ворот на улочку, зажатую высоким забором отделения Вселенской комиссии и фасадами домов с противоположной стороны мостовой.

Впереди скакали двое верховых, а вот ландскнехтам пришлось задержаться, дабы остановить горожан. Те как-то очень уж быстро опомнились и попёрли на растянувшуюся шеренгу вояк, да ещё кликуша-монах заголосил как резаный:

– Увозя-я-ят! Мерзких язычников увозят! Держите их, братья!

Наёмники совладели с натиском, но неожиданное упорство горожан помешало им заскочить на запятки карет. Блондин выругался и рывкнул:

– Гони!

Возница махнул вожжами, и наш экипаж под перестук копыт и скрип упряжи затрясся на неровной брусчатке; следом покатили, постепенно набирая скорость, остальные кареты.

Я выглянул в выходившее вперёд окошко и крикнул Франсуа:

– Дальше сами?

Тот не обернулся, лишь кивнул. Громыхая и переваливаясь с бока на бок, карета мчалась к ближайшему перекрёстку. Нас нещадно бросало на лавках, приходилось изо всех сил цепляться за прибитые к стенкам ручки, а потом экипаж резко замедлил ход, и Уве едва удержался на скамье, а Марту и вовсе бросило мне в объятия. Я отпихнул девчонку в сторону, выглянул в окошко и увидел, что причиной неожиданной остановки стала выкатившаяся с соседней улицы телега. Лишь чудом не слетевший с козел Блондин извернулся на месте и приложил кого-то невидимого мне палкой, а возница махнул в другую сторону кнутом.

Рывком распахнулась дверца кареты, и я пнул в лицо вознамерившегося вытянуть меня наружу бугая. Каблук сапога угодил в оскаленный рот, и отшатнувшийся громила рухнул под ноги набегавшим из подворотни горожанам.

Уве махнул жезлом, активируя защитный полог, а Марта укрыла карету полупрозрачным маревом, но ни магический купол, ни морок не могли остановить разъярённых бюргеров. В арке нас дожидалось никак не меньше дюжины человек, так что я без колебаний потянул из перевязи пистоль. Прежде чем успел пальнуть поверх голов, Франсуа де Риш выкинул вперёд пустую руку, и в перегородившую проезд телегу словно врезался незримый таран. Ударное заклинание разметало преграду в щепки, только разлетелись по сторонам колёса, и Блондин рывкнул:

– Гони!

Возница щёлкнул кнутом, лошади заржали и рванулись с места. Экипаж начал набирать ход, я перехватил пистоль за ствол и увесистой рукоятью приложил по голове попытавшегося заскочить внутрь горожанина; тот с залитым кровью лицом полетел на брусчатку. Злосчастная арка осталась позади, кто-то из наших преследователей решил перехватить поводья мчавшей следом кареты, получил палкой от сидевшего на козлах охранника и отлетел в сторону, а затем нападавшие ринулись в подворотню, спасаясь от копыт вернувшихся верховых сопровождения.

Мы уже миновали перекрёсток, когда дверца со стороны Микаэля распахнулась и сунувшийся внутрь бородач вцепился узловатыми пальцами в шею не ожидавшего нападения Уве. Школяр полузадушено пискнул, но продолжил удерживать защитный полог, на выручку ему пришёл бретёр. Маэстро Салазар со всего маху врезал бюргеру кулаком в нос, тот всплеснул руками и вывалился на дорогу.

– Пока-пока! – издевательски расхохотался Микаэль и захлопнул дверцу.

Я последовал его примеру и вдруг перехватил изумлённый взгляд Марты.

– Чего ещё? – нахмурился я, повернул голову и обнаружил засевший в стенке на пару ладоней выше плеча арбалетный болт – крайне странный и вместе с тем определённо знакомый, угловато-неровный и цельнометаллический.

Святые небеса! И когда успели стрельнуть?!

Уве охнул и закашлялся, а только восстановил дыхание и сразу зачистил:

– Невозможно! Я ни на миг не терял контроль над пологом! Поверьте, магистр!

– Верю, Уве, – успокоил я школяра, накрыл странный метательный снаряд носовым платком и, раскачав его, выдернул из стенки.

Микаэль наклонился, получше рассмотреть болт и недоумённо нахмурился.

– Что за ерунда?

– Я не чувствую его, – подтвердила Марта и добавила: – Совсем.

А вот Уве кое-что припомнил.

– В Мархофе... – неуверенно произнёс он. – Магистр, вы что-то такое рассказывали об убийстве того книжника!

И это было действительно так: я извлёк из стены брата-близнеца арбалетного болта, который всадили косоглазого Эгхарта Новица. Всё та же угловатая форма, словно у недоведённой до конца заготовки, всё та же невосприимчивость к эфирному воздействию, вызванная как использованным материалом, так и тем обстоятельством, что мастер не вложил в изделие ни крупицы своей души. Просто мёртвый кусок железа – идеальная вещь для убийства магов, от которой не спасёт никакой защитный полог.

– Штампованное метеоритное железо, – произнёс я, и маэстро Салазар восхищённо выругался.

– Чёрно-красные зашли с козырей, Филипп! – сказал он. – С козырей-kozyрей! Угоди болт на ладонь правее, и ты отправился бы прямиком на небеса.

Будто я сам не отдавал себе в этом отчёт! Но этого маэстро Салазару показалось мало, и он с выражением продекламировал:

Небесный металл мастер найдёт,
Клинок скуёт и в руку возьмёт,
Паутину магии меч рассецёт,
Колдуна пронзит, не подведёт.

Я тяжело вздохнул.

– Пожалуйста, Микаэль, скажи, что это не ты сам сочинил. Такие вирши перебор даже для тебя.

Бретёр рассмеялся.

– Нет, не я. Это из одной гиарнийской баллады.

– Хвала небесам!

– Хвала-хвала. Небесам-небесам, – покивал Микаэль и указал на лежавший меж нами болт. – Будь добр убери эту мерзость. А лучше выкини.

– Да вот ещё! – недобро оскалился я, заворачивая метательный снаряд в носовой платок. – Уж поверь, применение ему найдётся.

– Кто бы сомневался, – пробурчал бретёр и с нескрываемым отвращением сплюнул себе под ноги.

В этот момент наша процессия миновала таможенный пост и старые районы города остались позади, на смену стуку копыт по булыжникам пришли глухие отзвуки деревянной мостовой, а затем и вовсе влажно зачавкала дорожная грязь. Больше нас останавливать не пытались.

– Хорошо, что уезжаем из Риера, – сказала тогда Марта, и мы с Микаэлем переглянулись с одинаково невесёлыми ухмылками.

Хорошо – да. Вот только мои проблемы из тех, что бегут по пятам и грызут ноги, а когда изловчатся и свалят, то непременно разорвут глотку. От таких не сбежать. Тут либо ты, либо тебя. И можно сколько угодно храбриться и хорохориться, но шансы отнюдь не на моей стороне...

Глава 3

1

С Морицем Прантлом наши дороги разошлись в Вакенхальде – самом крупном городе южного Виттена, в двух днях пути к западу от Ренмеля. Мне даже не пришлось выдумывать повод для расставания с коллегами – помог Уве. С каждым днём школяр становился всё мрачнее и беспокойней, но в ответ на расспросы лишь пожимал плечами, не желая раскрывать причину своего дурного настроения, и разоткровенничался лишь в окрестностях этого самого Вакенхальде.

– Магистр, – обратился он ко мне, – дальше я с вами не еду.

Я откинулся на стену кареты и выжидающе приподнял брови.

– А что мне делать в Ренмеле? – хмыкнул Уве в ответ на вопросительный взгляд.

Маэстро Салазар столь вопиющую глупость оставить без комментария не смог, но от уничижительных высказываний в адрес паренька удержался и лишь многозначительно заметил:

– Ренмель – это Ренмель.

И это было воистину так. Ренмель, пусть даже речь идёт о его западной части, – несомненная столица мира, и для всякого образованного человека немыслимо по доброй воле упустить возможность побродить по его улицам, посетить театры, храмы и библиотеки. Немыслимо и невозможно.

– Уве, какая муха тебя укусила? – ласково поинтересовался я.

– Никто меня не кусал, – буркнул школяр.

– Укусил-укусил, – поддержал меня Микаэль и приложился к меху. Вытер потёкшую из уголка рта струйку вина и усмехнулся. – Или укачало. На эдаких ухабах оно и немудрено.

Трясло карету на разбитой тележными колёсами дороге и в самом деле немилосердно, но Уве даже не улыбнулся; шутку маэстро Салазара он попросту пропустил мимо ушей. Как ни печально было это признавать, последствия ссоры в Риере сказывались до сих пор, и школяр, пусть первым на рожон и не лез, принципиально игнорировал бретёра, будто тот перестал для него существовать. Честно говоря, я начал подозревать, что Микаэль оказался слишком близок к истине, когда пошутил о тайной влюблённости паренька в маркизу цу Лидорф.

– Неужто не любопытно взглянуть на столицу? – спросил я школяра.

Уве пожал плечами.

– Любопытно, – не стал скрывать он, – но Кальворт к северо-востоку отсюда. Не вижу смысла делать крюк до Ренмеля.

Микаэль невольно закатил глаза.

– Если сплавиться по Рейгу...

Я похлопал бретёра по плечу.

– Обсудим это позже.

Маэстро Салазар с удивлением взглянул на меня, хмыкнул и дальше взывать к здравому смыслу школяра не стал, вместо этого вновь хлебнул вина. Я ободряюще улыбнулся Уве и начал обдумывать, каким образом сумею обернуть в свою пользу его желание отправиться в самостоятельное плавание. Путешествие в обществе коллег меня всецело устраивало по той простой причине, что не приходилось платить ни за фураж для лошадей, ни за ночёвку и столование в гостиницах и постоялых дворах, но вот чего категорически не хотелось, так это въезжать в Ренмель в компании Рыбака и Блондина. Это определённым образом ограничивало свободу действий, поскольку на каждой почтовой станции мы отправляли по эфирным каналам сооб-

щения о своём продвижении к столице, и полагать, что к ним не имеет доступа Гепард, было по меньшей мере наивно.

Карета сбавила ход и начала неспешно переваливаться с бока на бок, я выглянул в окошко и увидел, что впереди маячит таможенный пост. Пересекать границы удельных владений приходилось по нескольку раз на дню, не случилось проволочек и здесь, и очень скоро мы показали по землям коронного города Вакенхальде. Некоторое время вдоль дороги тянулись поля с усадьбами и деревнями, после начались посёлки, которые незаметно для нас превратились в пригород. В грязных лужах там копошились свиньи, по обочинам выискивали червяков куры, тут же бегала чумазная детвора, а за высокими заборами гавкали цепные псы.

Хоть Вакенхальде и располагался в самом центре империи, но крепостные стены местные власти, пользуясь привилегиями коронного города, срывать не спешили. Оно и немудрено – под боком Лорания, а тамошний герцог, как и его славные предки, имел территориальные претензии решительно ко всем своим соседям. Он даже не особо скрывал притязаний на императорский престол, но, если на власть светлейшего государя посягал исключительно на словах, то граничившим с герцогством владетелям пощипывал пёрышки куда более действенными методами.

Наша процессия не стала проезжать в распахнутые городские ворота и свернула к почтовой станции. Лошадей мы менять не собирались, как и не планировали останавливаться на ночлег, просто рассчитывали пополнить запасы, перекусить и утолить жажду. Время близилось к полудню, солнце зависло в зените. В отличие от северных земель лето здесь уже вовсю вступило в свои права, и заметно припекало, от земли парило, а на горизонте клубились гроззовые облака.

Маэстро Салазар первым выпрыгнул из кареты, с досадой глянул на чавкнувшую под ногами грязь, выругался и зашагал прочь, на ходу обмахиваясь снятой с головы шляпой.

– Обожди! – остановил я его и принялся расталкивать прикорнувшую Марту.

– Да пусть спит! – махнул рукой Микаэль.

– Вещи собирайте! – распорядился я. – А лошадей ведите на конюшню.

Уве недоумённо захлопал глазами.

– Магистр...

– Рот закрой, муха залетит, – усмехнулся я. – У тебя планы изменились, почему они не могут изменить у меня?

– А-а-а! – как-то не слишком уверенно протянул школяр и на пару с Микаэлем принялся доставать наши пожитки из закреплённого позади кареты сундука, а Марта занялась лошадьми.

Причины столь неожиданного изменения планов девчонку нисколько не заинтересовали, а вот маэстро Салазар поначалу так и сверлил меня пристальным взглядом, но потом что-то для себя решил и успокоился. То ли разгадал мои мотивы, то ли не стал забивать себе ими голову.

Как бы то ни было, подручные понесли вещи в гостиницу при почтовой станции, и этот манёвр не укрылся от Морица Прантла. Когда люди Блондина сопровождали арестантов в нужник, он подошёл и, вытирая с широкого лица пот носовым платком, спросил:

– Что происходит, Филипп?

– Да, Ренегат! – присоединился к магистру-расследующему Франсуа де Риш. – Тебе наскучило наше общество или ты передумал ехать в Ренмель?

– Ни то, ни другое, сеньоры, – уверил я коллег, глянул в небо и поморщился. – Предлагаю продолжить этот разговор за бутылкой вина.

Против такого никто возражать не стал, мы зашли в гостиницу, первый этаж которой занимала просторная обеденная зала, и заняли один из столов у входа. Микаэль к этому времени уже успел перекинуться парой слов с содержателем и подошёл к нам с двумя запотевшими кувшинами.

– Белое сухое, – объявил он. – Лучшее, что есть в этой дыре.

За время совместного путешествия магистры успели убедиться, что мнению Микаэля о вине стоит доверять безоговорочно, поэтому сразу расселись по лавкам, лишь велели хозяину не терять время и скорее накрывать на стол. Мы выпили, и коллеги вновь уставились на меня.

– Так какие причины сподвигли тебя покинуть нас, Филипп? – потребовал объяснений Рыбак, но сразу отвлёкся и помахал рукой вошедшей в гостиницу Сурьме. – Присоединяйтесь к нам, магистр!

Сеньора чиниться не стала, и Микаэлю пришлось передать ей свою кружку, а самому сходить за новой.

– Причин две, – пояснил я своё решение задержаться в Вакенхальде. – Главная заключается в том, что мой слуга Уве Толен отправляется на учёбу в Кальворт, в Ренмель он со мной не едет. Так что хочу провести с ним остаток дня и проводить в дорогу.

– В Кальворт?! – изумился Рыбак. – Но ты же просил взять его в мою команду!

Я только руками развёл.

– Уве приглянулся Адалинде, она решила оплатить его дальнейшее обучение и получение степени лиценциата тайных искусств.

Франсуа присвистнул.

– А парень-то не промах! – Он снял шляпу с пышной копны пшеничного цвета волос, кинул её на край стола и усмехнулся. – Далеко пойдёт.

– Не дальше койки Адалинды, – ворчливо заметил Рыбак, покосился на Сурьму и не слишком искренне принёс извинения за высказанную скабрёзность.

– Дело точно не в этом! – возразил Блондин. – Иначе маркиза не отпустила бы его в Кальворт!

Маэстро Салазар насмешливо встопорщил усы, но промолчал, и магистры принялись препарировать моего слугу и разбирать мотивы Адалинды. К прежней теме разговора их вернула Сурьма.

– А вторая причина, Филипп? – спросила она. – Вы сказали, их две!

– Кафедральный собор Вакенхальде, – пояснил я и приложился к вновь наполненной кружке.

Мориц Прантл пригладил жидкие волосы и спросил:

– А чем так важен собор?

Франсуа и Микаэль поддержали магистра-расследующего недоумёнными взглядами, а вот набелённое лицо Сурьмы расколола трещина-улыбка.

– Мощи святого Рафаэля, – пояснила она коллегам. – В кафедральном соборе этого славного города хранятся мощи святого Рафаэля, ученика Пророка. Одного из дюжины.

– Нам прекрасно известно, кто это такой, – с недовольным видом проворчал Мориц Прантл. – Просто не думал, что Ренегат настолько религиозен.

– О! Филипп такой! – рассмеялся маэстро Салазар и продекламировал:

Чётки на запястье, молитва на устах,
Одним своим лишь видом врагам внушает страх!

Сурьма неожиданно тоненько хихикнула, да и Блондин не удержался от улыбки, а вот Рыбак сделал вид, будто ничего не услышал.

– Я бы и сам прикоснулся к мощам, – вздохнул он, – но у нас нет на это времени. Пообедаем и поедем. Время дорого.

Нам как раз принесли горячее, и я спросил:

– Какой дорогой направитесь в Ренмель? Будете заезжать в Миену?

– Нет, – решительно заявил Франсуа де Риш. – Вывернем на Староимперский тракт дальше.

– В самом деле?

– Лорания сцепилась с Острихом за выход к морю, – пояснил Мориц Прантл. – Кампания идёт ни шатко ни валко, да ещё светлейший государь потребовал незамедлительно остановить кровопролитие, но всё очень... – Он повертел пальцами в воздухе, – зыбко. Слишком много наёмников и прочей швали. Лучше поберечься.

– Потеряем немного времени, зато не влипнем в ненужные неприятности, – заключил Блондин.

Я был с таким подходом всецело согласен. Мы ещё немного посидели и обсудили политическую обстановку, после мои коллеги раскланялись и отправились в путь, а к нам за стол перебрались Уве и Марта.

– Магистр, – смущённо потупился школяр, – не стоило менять из-за меня своих планов... Микаэль расхохотался в голос.

– Святая простота! – объявил он и грохнул о стол кружкой.

Уве зло глянул на бретёра и процедил:

– Не с тобой разговариваю!

– Деревенские мальчики меряются длиной пиписек, – ни к кому конкретно не обращаясь, произнесла Марта. – И знаете, вы от них ничем не отличаетесь!

– Было бы странно, если б отличались, – хмыкнул маэстро Салазар. – У нас в штанах всё то же самое, только длиннее и толще.

Уве перегнул через стол и сказал:

– Магистр, вы ещё можете догнать коллег. Да мне и самому пора отправляться в дорогу.

– К слову о Кальворте, Уве, – улыбнулся я. – А что ты там собираешься делать?

Школяр изумлённо захлопал глазами, затем, наконец, справился с удивлением и выдал из себя:

– Учиться конечно же!

– Что ты там собираешься делать летом, – уточнил я свой вопрос.

– Обживусь, – пожал плечами Уве. – Найду квартиру, попытаюсь устроиться репетитором. Стипендия – стипендией, но деньги лишними не будут.

– Летом Кальворт пустеет. Учеников точно не найдёшь, да и коня придётся за бесценок продать. А ещё немало денег уйдёт на дорогу.

– И что вы предлагаете, магистр? – с тяжким вздохом спросил паренёк. – Вы ведь неспроста этот разговор затеяли, так?

– Неспроста, – подтвердил я. – Предлагаю тебе поехать с нами в Ренмель.

И вновь мне удалось поразить школяра до глубины души. Он даже решил, будто ослушался и переспросил:

– В Ренмель? – дождался утвердительного кивка и округлил глаза. – Но зачем?

– Тоже мне, загадка! – фыркнула Марта. – У Филиппа на тебя планы!

– Зачем я нужен вам в столице, магистр? – потребовал объяснений Уве.

– Не мне, – покачал я головой и указал на ведьму. – Ей.

Девчонка оказалась слеплена из другого теста, она не подала вида, будто мои слова её удивили, а вот школяр запустил пальцы в растрёпанные волосы и пожаловался:

– Вы совсем меня запутали, магистр!

– Будешь учить её арифметике и чистописанию за половину талера в седмицу, плюс проживание и харчи. Ваших коней продадим по приезду, в Кальворт отправитесь по реке. Посмотришь столицу, да и Марте одной путешествовать не стоит.

Уве задумался над моим предложением всерьёз и надолго.

– Но, магистр, – произнёс он, наконец, – если вы с самого начала рассчитывали уговорить меня ехать в Ренмель, зачем отпустили кареты?

Я не собирался посвящать школяра в мотивы своих поступков и озвучил вторую причину задержаться в Вакенхальде:

– Собираюсь посетить здешний кафедральный собор. Тебе это тоже будет полезно.

В отличие от реликвий и мошей сомнительного происхождения, кои во множестве подделывали нечистые на руку мошенники, подлинность останков Рафаэля сомнений не вызывала, их переполняла истинная святость. Это был один из нечастых случаев, когда та оказалась привязана не к месту вознесения святого, а к его мощам.

Уве выслушал мои доводы, подсчитал в уме свой грядущий гонорар и протянул руку.

– Ваша взяла, магистр!

Я ответил на рукопожатие и обратился к Микаэлю:

– Ты с нами?

Маэстро Салазар покачал головой и пристукнул о стол кружкой.

– Вино здесь недурное. От добра, добра не ищут.

– Марта?

Девчонка уставилась на меня с заметным удивлением.

– Филипп, ты действительно собираешься глазеть на останки семивековой давности?

– Именно так.

Ведьма передёрнула плечами.

– Без меня.

Я лишь хмыкнул и встал из-за стола.

– Подожди, Филипп! – встрепнулся меня маэстро Салазар. – На ночь остановимся здесь?

Гостиница при почтовой станции была не самого высокого пошиба, но общий зал выглядел убранным и чистым, что позволяло надеяться на отсутствие в комнатах вшей и клопов, так что я кивнул.

– Если столкнемся о цене, почему бы и нет?

– Тогда этим кувшином ограничиваться не стану, – ухмыльнулся Микаэль и щелчком пальцев подозвал разносчицу.

– Жалкий пропойца, – поморщилась Марта и принялась пластать ножом жаркое. При этом она искоса глянула на бретёра, но тот своих успевших за последние дни набить оскмину шуточек о фигуре девчонки отпускать не стал, всецело увлечённый поглощением вина.

Я наклонился к ведьме и шепнул на ухо:

– Ешь спокойно. Дальше изображать из себя мальчика уже не придётся.

Марта с укоризной посмотрела на меня; я лишь посмеялся и направился к входной двери, на ходу позвал за собой Уве. Когда вышли за ограду, мимо как раз проезжала нагруженная бочонками телега, и возница за пару пфеннигов согласился сделать крюк и довести нас до кафедрального собора, благо кабак, в который его подрядили доставить пиво, располагался не так уж и далеко от городской площади.

Мы уселись сзади и свесили ноги. Большинство городских улочек замощены не были, и обитатели Вакенхальде не мудрствуя лукаво выплёскивали в грязь помои и засыпали лужи мусором, излишки жижи в итоге утекали по сточным канавам, и лишь это обстоятельство не давало превратиться некоторым проулкам в самые настоящие болота.

Мне с Уве месить сапогами вонючую жижу не пришлось, телега благополучно доставила нас на центральную площадь, посреди которой возвышалась вытянутая громада кафедрального собора. Ни один из окрестных домов не мог тягаться высотой с этим грандиозным сооружением, а его купол и пристроенная сбоку колокольня и вовсе взмывали на невероятную высоту. На отлитых из меди колоссальных дверях зеленели патиной картины из жизни Пророка; через них без всякого труда мог пройти элѐфант, взбрѐди только кому-то в голову завести в храм божий этого южного зверя.

Сейчас медные створки были сомкнуты, и мы двинулись к боковым дверям, у которых выстроилось две шеренги нищих так, что прихожанам приходилось идти меж протянутых к ним рук и культей, покрытых язвами, гнойниками и нарывами. Моё финансовое состояние оставляло желать лучшего, и я прошествовал в храм, не обратив ни малейшего внимания на причитания и мольбы. Дальше мы купили свечей и запрокинули головы, обозревая вытянутый свод потолка и цветные витражи окон. Пол покрывала выложенная из мрамора мозаика, к алтарю уходили ряды скамей, высились украшенные резьбой колонны. Пахло ладаном и разогретым воском, было немногочисленно и тихо.

Полагаю, строился кафедральный собор Вакенхальде с таким расчётом, чтобы вместить всех жителей города, но по меркам Ренмеля ничего столь уж выдающегося в этом архитектурном решении не было.

По центральному проходу мы дошли до купола, зажгли свечи и какое-то время разглядывали покрывавшую потолок искусную роспись.

– Не забывай о медитации, – подсказал я Уве и лёгким усилием погрузил сознание в напоённый молитвами прихожан небесный эфир.

Незримая стихия приняла в свои мягкие объятия, и ангелы бестелесными призраками закружились над головами, только... этого было мало! Я не уловил присущей святым местам лёгкости бытия и почувствовал себя обманутым.

Как видно, Уве тоже ощутил нечто подобное, очень уж озадаченный у него сделался взгляд.

– Магистр, – прошептал он мне на ухо. – В пещере святого Джокема было совсем иначе. Здесь хорошо, но я не чувствую...

Школяр замялся, и я закончил его мысль:

– Святости.

– Ну да, – кивнул Уве. – Может, надо просто подойти ближе к мощам?

– Каменные стены и железные стенки реликвария не преграда для святости! – наставительно произнёс я и потребовал: – Продолжай медитацию.

А сам развернулся, вернулся к боковому входу и обратился к продававшему свечи службе:

– Мы приехали в ваш город прикоснуться к мощам святого Рафаэля, с кем стоит поговорить на этот счёт?

Молодой паренёк как-то очень уж неуверенно улыбнулся и покачал головой.

– Не получится, сеньор. Неурочное время.

Я достал монету в десять крейцеров.

– Любезный, неужели это такая уж проблема? Мы не поскупимся на пожертвование, а на рассвете нам уже отправляться в путь...

– Не получится, – повторил служба и стрельнул глазами по сторонам.

– Что с мощами? – прямо спросил я. – Где они?

Паренёк потянулся за монетой, и я отдал ему серебряный кругляш.

– Приезжал каноник из Ренмеля, – прошептал тогда служба, до предела понизив голос, – епископ разрешил ему забрать реликварий с мощами.

– Даже так? – удивился я. – Выходит, останки святого увезли в столицу?

Паренёк замотал головой.

– Не думаю. С каноником был настоятель монастыря Трёх святых. Слышали о Зарьиной пустыни? Вот!

Я недоверчиво хмыкнул. Архиепископ Ренмеля обладал достаточным влиянием, чтобы местные священнослужители согласились на время расстаться с нетленными мощами, но у его высокопреосвященства не имелось никаких причин хлопотать за монастырь, расположенный на территории Лорании, где духовная власть находилась в руках архиепископа Миены.

Что это – некие закулисные договорённости или политические уступки?

Служка неверно истолковал мою задумчивость и лихорадочно зашептал.

– Монастырь Трёх святых основан на месте, где погиб святой Рафаэль сотоварищи!

Я отстранённо кивнул, поскольку прекрасно помнил историю о том, как вскоре после дней Гнева один из учеников Пророка с присными отправился нести свет истинной веры на этот берег Рейга, но пал в неравной схватке с отрядом имперских книжников. Тогда воссияло сразу четверо истинных праведников, поле боя стало святым местом. Мне доводилось там бывать, и более мощную энергетику я ощущал лишь в Сияющих Чертогах, да ещё нескольких ремельских храмах на том берегу Рейга.

Поблагодарив служку, я постоял рядом с Уве, а после окончания его транса нанял портшез и велел мускулистым носильщикам доставить нас на почтовую станцию. Там пригляделся к висевшей на стене карте окрестных земель и задумчиво огладил бородку.

– Думаете посетить этот монастырь в... как его?.. Зарьиной пустыни? – спросил Уве, которому я на обратном пути поведал о судьбе мощей.

– Если потом не заворачивать в Миену, крюк выйдет не такой уж и большой. Потеряем самое большее полдня пути.

– Лично я не откажусь посетить святое место, – сказал школяр, – но что скажет на этот счёт маэстро Салазар?

Я рассмеялся и похлопал Уве по плечу.

– Уверяю тебя, Микаэль возражать не станет. Надо будет только купить в дорогу побольше вина...

2

У маэстро Салазара моё желание посетить Зарьину пустынь понимания не нашло.

– Совсем сдурел? – округлил он глаза, узнав об очередном изменении планов. – Окстись! Святое понтифика тебе, один чёрт, не стать!

– Прикуси язык! – резко бросил я. – И думай – что, где и кому говоришь!

Микаэль фыркнул и потянулся за глиняным кувшином, налил в кружку вина и уже без былой экспрессии сказал:

– Сейчас слишком поздно. Засветло добратся не успеем. Не успеем – не успеем.

– Только полдень минул, – не согласился я с этим аргументом, взял с деревянного блюда запечённую луковницу, откусил, прожевал и решительно объявил: – Успеем!

Марта печально вздохнула и спросила:

– Но зачем, Филипп, нам туда ехать?

– Вот! – воздел маэстро Салазар к потолку указательный перст. – Устами... – Он смерил ведьму озадаченным взглядом, встопорщил усы и замылся. – Не младенца, факт. Девицы? Тоже не подходит. С другой стороны, незамутненность сознания определённо присутствует...

– Хватит! – вспыхнула Марта и даже покраснела, но отнюдь не от смущения, а исключительно по причине крайнего раздражения. – Уже напился!

Я заглянул под стол и обнаружил у ног бретёра ещё два кувшина, как водится – пустых.

– А что такого? – развёл руками маэстро Салазар. – Выпил-выпил. Почему нет?

– Епитимью бы на тебя наложить, – вздохнул я, забрал у подручного кружку с вином, приложился к ней сам. – В общем, доедаем и выдвигаемся.

Я начал переключать с блюда на тарелку жареные куриные крылышки, а Микаэль с невозмутимым видом подтянул к себе кружку Марты и набулькал в неё вина.

– На трезвую голову никуда не поеду! – заявил он, хлебнул и добавил, будто оставалась какая-то недосказанность: – Не поеду – не поеду!

– Филипп, а ночь мы где проведём? – спросила Марта. – Я не хочу ночевать в монастыре!

– И не придётся, – уверил я ведьму. – Остановимся в одной из окрестных деревень. Девчонка тягостно вздохнула и спросила:

– Бывал уже там прежде?

– Бывал-бывал, – пробормотал маэстро Салазар. – Дыра-дырой.

– Доводилось, – ответил я на вопрос ведьмы. – Туда приходит множество паломников и не только нищенствующих монахов, с ночлегом проблем не будет, не волнуйся.

– Нам и здесь неплохо, – резонно заметил Микаэль.

Я его высказывание проигнорировал, приступил к трапезе и сказал:

– Вы ешьте, ешьте! Не расслаживайтесь!

Уве выскреб себе остатки пшеничной каши, сверху навалил печёных овощей и насадил на нож куриное бедро, поджаренное до коричневой хрустящей корочки. Маэстро Салазар принялся без особого аппетита ковыряться в тарелке двузубой вилкой, а Марта и вовсе покачала головой.

– Уже поела.

– Будешь плохо кушать, титьки расти перестанут, – немедленно прокомментировал услышанное Микаэль. – И зад тоже. Так и останется с кулачок. Останется-останется.

– Тебе-то какое дело до моего зада? – устало поморщилась ведьма, но равнодушие было насквозь показным, очень уж заострились её и без того резкие скулы, а в холодных серых глазах заметно прибавилось льда.

– Мне – никакого, – улыбнулся бретёр и с обезоруживающей прямоотой пояснил: – Я о Филиппе беспокоюсь. Набьёт синяков о твои мослы...

– Маэстро! – привстал со своего места Уве. – Это просто возмутительно!

– Да уж, приятного мало, – кивнул Микаэль. – Фили... – ик! – ппу остаётся только посочувствовать...

Марта выдала в ответ резкую рубленую фразу на северном наречии, а школяр уже раскрыл рот, намереваясь осадить подвыпившего бретёра, и тогда я хлопнул ладонью по столу.

– Довольно!

Маэстро Салазар посмотрел на меня с укоризной, но промолчал и уставился в кружку с вином. Проворчал разве что неразборчивое ругательство, но едва слышно, исключительно себе под нос.

– Закругляйтесь! – потребовал я.

Ведьма застучала ноготками по столешнице и вдруг сказала:

– Логика, Филипп. Помнишь, ты объяснял мне значение этого слова?

Уве от изумления подавился и закашлялся, да и Микаэль оторвался от кружки и с оттенком уважения произнёс:

– Эк оно как! Вы ещё и разговариваете по ночам!

Я досадливо отмахнулся и поторопил девчонку:

– Продолжай!

– Так вот, – растянула она в улыбке тонкие бледные губы. – Если ты уже был в этой пустоши...

– Пустыни!

– Неважно. Раз ты уже был там, мне кажется... не логичным, – это новое сложное слово Марта произнесла размеренно и чётко, едва ли не по логам, – менять планы и ехать туда снова.

– Вот-вот! – согласился с ведьмой маэстро Салазар. – Но я сформулирую проще: на кой ляд нам туда тащиться, Филипп? Скажи на милость, а?

Я поднял руку и прижал большой палец к ладони.

– Первое! Нам по пути, и мы в любом случае ничего не теряем.

Микаэль поморщился.

– Так себе аргумент. Если заночуем здесь, то не потеряем ничего тем более. А если сорвёмся с места, то ничего не приобретём. Ничего-ничего!

– Второе! – присовокупил я к большому пальцу указательный. – Атмосфера святого места вкупе с медитациями способствует нормализации эфирного тела, что чрезвычайно важно для Уве.

Школяр аж поёжился, до того колючими взглядами смерили его Микаэль и Марта, а последняя ещё и резонно отметила:

– Филипп, ты столько всего рассказывал о Ренмеле. Его ведь неспроста называют святым городом, так?

Маэстро Салазар с довольно улыбкой расправил усы и объявил:

– Логика-логика! – и уже куда тише проворчал: – Лучше б ты её просто драл...

Ведьма сделала вид, будто ничего не услышала, но костяшки стиснувших двузубую вилку пальцев определённо побелели.

– Третье! – продолжил я, прижимая к большому и указательному перстам теперь ещё и средний. – Мощи святого Рафаэля перевезены в Зарьину пустынь. И я не собираюсь обсуждать наши планы. Мы. Едем. В монастырь. Точка.

Микаэль понял меня с полуслова с обречённым видом вскинул руки.

– Тут не о чем спорить, девочка, – сказал он набычившейся Марте. – Его не переубедить.

– Но почему? – захлопала ведьма своими длинными белыми ресницами. – Что такого в этих мощах? Какая нам разница, куда их перевезли?!

– Филипп, ты объяснишь или я? – вздохнул маэстро Салазар.

Уве, который понимал не больше Марты, завертел головой, переводя взгляд с меня на бретёра и обратно.

– О чём вы? – спросил он, даже позабыв на время о затянувшейся ссоре с Микаэлем. – При воссиянии тело праведника не всегда обращается в чистый свет, нетленные мощи встречаются не так уж и редко!

– Встречаются-встречаются, – осклабился маэстро Салазар. – Особенно у торговцев реликвиями!

Школяр это замечание проигнорировал и продолжил развивать свою мысль:

– Да, святой Рафаэль – ученик Пророка, но я не понимаю, чем так важны его мощи!

– Чем важны любые мощи! – фыркнула Марта.

Я не удержался и щёлкнул её по лбу.

– Думай – что, где и кому говоришь! – повторил я пожелание, не далее пяти минут назад уже высказанное Микаэлю, и пояснил: – Рафаэль воссиял вместе со своими спутниками в Зарьиной пустыни, но его святость оказалась нераздельно связана с мощами. Их удалось спасти от осквернения, все эти века они выставлялись то в одной церкви, то в другой, пока община Вакенхальде не собрала деньги на выкуп реликвии и не поместили их в кафедральный собор.

Марта засопела, но прерывать меня не решилась. И правильно сделала – на этот раз щелбаном я бы не ограничился.

– И, так уж получилось, что за все эти века мощи не разу не возвращались в Зарьину пустынь. Ни разу.

– Почему? – удивился Уве.

– Политика, – хмыкнул маэстро Салазар. – Архиепископы Ренмеля и Миены уживаются друг с другом примерно так же хорошо, как кошка с собакой.

– И сейчас впервые святость Рафаэля присовокупилась к святости трёх его спутников. – Я прикрыл глаза и мечтательно улыбнулся. – Было бы воистину непростительно проигнорировать столь знаменательное событие.

Марта закатила глаза, но от комментария воздержалась, а маэстро Салазар одним махом влил в себя оставшееся в кружке вино и поднялся на ноги.

– Давайте собираться. Путь неблизкий, ещё и на границе таможенники наверняка лютовать будут. В Лорании неспокойно.

Бретёр остро и неожиданно трезво глянул на меня, но я его намёк проигнорировал, вытер о полотенце жирные пальцы и встал из-за стола.

– На выход!

3

С переходом через границу Лорании особых сложностей не возникло, хоть при виде таможенного поста, обустроенного сразу за мостом неширокой сонной речушки, меня и посетили определённые сомнения на этот счёт. Службой там не манкировали, на дозорной вышке с бело-золотым герцогским флагом бдел караульный, полудюжина лучников со двора тоже не разбредалась, а у почтовой станции дежурили несколько конных егерей, готовых при малейших признаках опасности рвануть за подкреплением. Помимо всего прочего в усиление постоянного гарнизону придали два десятка пехотинцев и фальконет. Сила тут для мирного времени собралась изрядная, ладно хоть ещё солдаты разбили лагерь немного поодаль и в дела таможенников не лезли – и в том, и другом направлении груженные товаром возы и телеги пропускались без лишних проволок.

Нас уса́тый круглощёкий капрал в выгоревшем на солнце мундире с герцогской нашивкой в виде трёх золотых соколов на белом поле тоже долго мурыжить не стал, посмотрел подорожные, справился, куда направляемся, и вполне удовлетворился ответом о желании посетить монастырь Трёх святых. Сбор за пересечение границы с сотрудников Вселенской комиссии по этике он не потребовал, пришлось заплатить лишь за Марту.

– Дорогу знаете? – сообщил таможенник, принимая серебряные крейцеры.

– Направление представляем, – хрипло произнёс Микаэль, который хоть и прихватил с собой мех с вином, но в дороге к нему не прикладывался и успел протрезветь. – Смутно.

Таможенник хмыкнул, смерил нашу компанию задумчивым взглядом и вдруг рявкнул:

– Георг!

Окрик предназначался кряжистому мужичку в потрёпанном повседневном платье, который приглядывал за тем, как дюжие парни скатывают по доскам из телеги и выставляют у крыльца харчевни бочонки; тут же на улицу выносили пустую тару. Кмет отвлёкся на крик, что-то сказал невысокому жилистому пареньку – судя по сходству, сыну или племяннику, затем подошёл и почтительно стянул с головы лёгкую соломенную шляпу. От его взгляда точно не укрылись ни наши волшебные палочки, ни пистолы и шпаги, да и мой служебный перстень говорил сам за себя.

– Сеньоры направляются в монастырь Трёх святых, – объявил капрал. – Покажешь дорогу.

Вопросительных интонаций в последней фразе не прозвучало, это был по-военному лаконичный и чёткий приказ, и я счёл нужным его смягчить.

– Уверен, мы доберемся и сам.

Но Георг к моему удивлению замотал головой.

– Что вы, сеньор? Что вы?! Я из Вильмштадта, от нашего села до монастыря рукой подать! А захотите на ночь остановиться, найду место, не сомневайтесь! И денег за постой не возьму, только за харчи.

Предложение это меня всецело устроило, и я спросил:

– Долго вам ещё?

Георг обернулся, огладил кудлатую с проседью бороду и уверенно ответил:

– Да, почитай, закончили уже. Четверть часа и отправимся, а иначе впотьмах ехать придётся. Нам такого не надо.

Он даже передёрнул плечами, словно одна мысль о необходимости задержаться вызвала нешуточную обеспокоенность. Я решил, что четверть часа особой роли не сыграют, и кивнул.

– Тогда по рукам.

Мы ослабили подпруги и оставили лошадей и осла у коновязи, а сами расположились за выставленным на улицу длинным столом, сколоченным из добротных досок. Его ножки буквально вросли в землю, а выдубленная всеми ветрами столешница потемнела от дождей и снега, но ничуть не рассохлась. Еду заказывать не стали, ограничились пивом, от которого не отказалась даже Марта. Лето окончательно вступило в свои права, и солнце припекало так, что смалодушничать и снять кольчугу не позволила лишь полученная в Лаваре закалка.

Закалка... да ещё страх, ведь человеку в моём положении проще простого схлопотать стрелу на пустынной дороге. Заговоры будто обоюдоострый кинжал – режут без жалости всех посвящённых в тайну; только расслабься и дай слабину, мигом кровушкой умоешься.

Светлое вильмштадтское, которое привёз в харчевню при почтовой станции Георг, отличалось лёгкой горчинкой и прекрасно освежало; выпил его с удовольствием. И не я один. Непривычная к столь жаркой погоде Марта после нескольких длинных глотков даже стянула с головы шляпу и принялась обмахивать раскрасневшееся лицо. Её успевшие отрасли серебристо-белые волосы слиплись от пота и висели сосульками.

Наш проводник всё никак не мог закончить расчёты с владельцем заведения, и я заказал ещё пива, а Микаэль ничтоже сумняшеся налил в свою опустевшую кружку вино из прихваченного в дорогу меха.

– Не развезёт тебя? – усомнился я.

В ответ бретёр удостоил меня хмурым взглядом и сделал добрый глоток пойла.

– Развезёт-развезёт, – покивал он в силу природной склонности. – Но я предлагал в Вакенхальде заночевать!

– В запределье тебя с такими предложениями! – огрызнулся я. – Тебя послушать, надо винный погреб выкупить и упиться до смерти!

– Идея! – мечтательно сощурился маэстро Салазар, потом махнул рукой. – Да расслабься! Не развезёт меня.

Я только фыркнул и перевёл взгляд на Марту и Уве, которые сидели друг напротив друга на дальнем конце стола. Школяр что-то втолковывал ведьме и увлечённо водил по столешнице пальцем, который то и дело макал в кружку с остатками пива. Девчонка хмурилась, но время от времени всё же кивала.

Судя по всему, Уве всерьёз отнёсся к своим новым обязанностям наставника, вот только объяснял подопечной не основы каллиграфии или арифметики, а какое-то из эфирных плетений и точно не базовую основу, а некий продвинутый узор. Слишком уж затейливый рисунок выводили его пальцы, да и на маэстро Салазара эта парочка исподтишка кидала взгляды более чем откровенные.

– Наивные детишки задумали какую-то каверзу, – вздохнул Микаэль, пристально глядя в плескавшееся на дне кружки вино. – Кого-то сегодня точно отшлёпают по тощей попке...

– Не такая уж она и тощая, – усмехнулся я, допив пиво.

Бретёр посмотрел на меня с нескрываемым недоверием, и это смогло бы произвести впечатление, не зажмурь он при этом левый глаз.

– Предупреждал же, – вздохнул я, – что развезёт.

– Развезло-развезло, – подтвердил маэстро Салазар. – Но в главном-то я прав, так?

– Отшлёпают, не сомневайся, – с ухмылкой подтвердил я. – Так или эдак.

Микаэль кивнул, икнул и предупредил:

– До ветру схожу.

Он выбрался из-за стола и отправился в нужник, насвистывая на ходу. Шататься бретёр при этом не шатался и пьяным отнюдь не казался, разве что излишне экспрессивно дирижиро-

вал сам себе рукой. Я оглянулся на телегу и увидел, что вдобавок к бочонкам в ней размещают ещё какие-то тюки; погрузка уже явно подходила к концу.

И точно – заметив мой интерес, Георг подошёл, вновь стянул с головы шляпу и сказал: – Можем ехать, сеньор, если вы закончили.

Я поднялся с лавки и хлопнул ладонью по столешнице.

– Подъём!

Марта и Уве встали из-за стола, при этом школяр так и продолжил что-то негромко толковать девчонке, да и когда мы забрались в сёдла, эта парочка стала держаться вместе и нас с маэстро Салазаром нагонять не спешила.

Микаэль расправил усы и подмигнул.

– Интригуют-интригуют!

Я кивнул, но меня сейчас не особо интересовало, какую именно каверзу задумали разобидевшиеся на бретёра юнцы, куда больше занимали тут и там зеленевшие листвою рощицы, словно специально предназначенные для укрытия засады. Впрочем, волновался на этот счёт я недолго. Дорога оказалась достаточно оживлённой, навстречу нам то и дело попадались катившие в сторону границы обозы, иногда мы и сами, хоть ехала телега не слишком быстро, обгоняли процессии пеших путников и тяжело нагруженные возы. Да и армейские разъезды в цветах герцога поначалу встречались едва ли не каждую четверть часа.

Помимо кавалерийских отрядов в приграничных землях герцогства хватало опорных пунктов, на околицах деревней и дворянских усадеб маячили сторожевые вышки, а замки окрестных сеньоров внушали уважение основательностью строений и высотой оград. Постепенно солдаты герцога перестали попадаться на глаза, на смену им пришли наёмники и местное ополчение. Те по дорогам уже не разъезжали и бездельничали в поселениях, куда мы заворачивали, чтобы дать отдых лошадям и перевести дух самим. Солнце сегодня жарило просто немилосердно.

Немного легче сделалось лишь к вечеру, когда телега, а вслед за ней и мы, свернула с торного тракта и запылила по дороге, проложенной напрямик через поле. Солнце к этому времени уже начало касаться верхушек деревьев, одуряющая жара перестала давить своей незримой дланью, в траве застрекотали кузнечики, принялись с писком носиться над самой землёй ласточки.

– К дождю, – со знанием дела отметил Микаэль.

– Скорее уж к грозе, – хмыкнул я и стал обмахиваться снятой с головы шляпой.

Парило и в самом деле изрядно, и на горизонте понемногу стучалось марево прозрачных пока что ещё облачков.

После развилки дорога заметно сузилась и потянулась через не самую оживлённую местность. Поначалу поля перемежались рощицами и лесочками, тут и там виднелись небольшие селения, затем на обочинах выросли высоченные сосны, и мы поехали напрямик через лес – достаточно светлый, поскольку деревья-великаны не давали разрастаться подлеску.

Когда по шаткому мостку перебрались через быстрый лесной ручей, впереди показалась сторожка, у которой расположилась четвёрка угрюмых бородачей в тёмной одежде, явно намеренно выкрашенной так, чтобы не бросаться в глаза на фоне листвы. У всех были луки и длинные кинжалы, трое вдобавок вооружились топорами, на поясе последнего висели ножны с фальшионом. Тут же скалилась на привязи парочка здоровенных волкодавов.

Но добротный брус, коим перекрывали проезд, сейчас был поднят, да и к нам вопросов не возникло, Георг лишь перекинулся с егерями парой фраз на местном наречии и покатил дальше. Мы поскакали следом.

– Барон Лауниц велел пошлину с паломников не брать, – пояснил правивший лошадьми кмет, стоило мне поравняться с ним. – У него соглашение с настоятелем. Нас тоже не обируют, а мы не задираем пошлыны на товары людей его милости.

– С паломников много не возмёшь, – усмехнулся Микаэль.

– Ваша правда, сеньор, – не стал спорить Георг. – Но курочка по зёрнышку клюёт, а паломники к нам идут ежедневно и ежечасно.

И точно – очень скоро мы нагнали длинную вереницу путников, многие из которых от усталости едва переставляли ноги. Все были одеты в серые рубища, и каждый держался за плечо идущего перед ним. Зрячим оказался лишь проводник; на предложение подвести кого-нибудь из подопечных он покачал головой и затянул молитвенный гимн.

Я оглянулся и спросил:

– Зачем тогда пост? Кто здесь ещё ездит?

– Его милость нетерпим к браконьерам, контрабандистам, заезжим циркачам и проповедникам всяческих ересей, смутьянам и подстрекателям, бунтовщикам, жуликам, ворам, грабителям, насильникам и убийцам, не говоря уже о бродягах, особенно из числа сарциан.

Маэстро Салазар хохотнул.

– Да он просто образец для подражания!

– Истину глаголете, – кивнул Георг, посмотрел на сидевшего рядом паренька, который при этих словах явственно фыркнул, и отвесил ему затрепину. Рука у возницы была широкая и мозолистая, голова юнца так и мотнулась, да и стук вышел знатный.

Парнишка втянул шею в плечи и ссутулился, а Георг оглянулся и с тяжким вздохом произнёс:

– Ещё б он со своих кметов три шкуры не драл...

– А вам какая с того печаль? – полюбопытствовал я.

– Так они на дорогах шалют от безысходности! – заявил возница. – Не во владениях барона, разумеется, таких быстро на виселицу отправляют, на окрестных землях промышляют. Раньше на тракт ходили, а теперь сами видели, сколько там вояк! Нынче в нашу сторону выбирают. Подрубают деревья, валят перед телегами, всех до исподнего обирают. А то и режут, бывает...

Меня заботы собеседника нисколько не заботили, заинтересовало совсем другое.

– Говоришь, вояк на тракте прибавилось? – сказал я. – С чего бы это?

– Так война у нас, сеньор! Вот пограничные гарнизоны и усилили.

– Да где та война? – фыркнул Микаэль. – До Остриха ехать и ехать!

– Болтают, светлейший государь его высочеству ультиматум объявил, чтоб не нарушал законность, значит. Да только какое тут нарушение законности, когда Острих испокон веку под герцогами Лоранийскими был?

Маэстро Салазар рассмеялся.

– Поможет вам это укрепление, если император решит войска двинуть!

– А решит ли? – резонно заметил Георг. – Чай, договорятся до чего-нибудь. А вот соседи могут попытаться пограничные споры под шумок в свою пользу разрешить. – Он вздохнул. – Это не я придумал, так баяли, когда дополнительный сбор на прокорм войск содрали.

Тема оказалась для возницы неприятной, он посмурнел и замолчал. И так же посмурнела природа. Потемнело, подул свежий ветер, начали со скрипом раскачиваться высоченные сосны, с бешеной скоростью замелькали в прорехах меж их крон облака. Откуда-то донёсся раскат грома, затем ещё один, и окончательно стемнело, а потом и вовсе ливануло как из ведра, но все мы были только рады полетевшим с неба крупным тёплым каплям.

Я стянул шляпу и подставил им лицо, остальные последовали моему примеру. Долго дождь не продлился, нас накрыло самым краем тучи, очень быстро она ушла в сторону, и вновь стих ветер, посветлело. Впрочем, впереди так и продолжал порывивать гром, по дороге бежали мутные ручьи. Мы то нагоняли непогоду, и с неба начинало моросить, то отставали, и тогда о ней напоминали только лужи да мокрая листва.

Вторую сторожку проехали уже в сумерках, там я не выдержал и спросил:

– Долго ещё?

Георг поскрёб затылок под соломенной шляпой и не слишком понятно ответил:

– От чёрного дуба час ехать.

– Что за чёрный дуб? – не понял я, но тут дорога вильнула и открылась просторная поляна, почти поле, на краю которой выросло мощное дерево, неведь с чего показавшееся удивительно знакомым.

Миг спустя пришло понимание, что никогда не видел этот дуб с раскидистой кроной прежде, просто он до мурашек по спине напоминал лесного великана, росшего неподалёку от хижины Марты. Я словно бы даже мрачный изучающий взгляд уловил, столь изводивший меня в преддверии Йоля. Вот только с ветвей того дуба не свисали полуразложившиеся тела висельников, а землю вокруг не усеивали обглоданные зверьём кости.

Маэстро Салазар присвистнул и спросил:

– И кто здесь так развлекается?

– Барон Лауниц, – бесстрастным голосом начал Георг, – нетерпим к браконьерам, контрабандистам, заезжим циркачам и еретикам, смутьянам и ворам, грабителям и убийцам, не говоря уже о бродягах...

– Да-да, – кивнул Микаэль, – особенно из числа сарциан...

Мы непроизвольно придержали лошадей, разглядывая жутковатый вид, и приблизившаяся Марта негромко произнесла:

– Дурное место.

Не доверять чутью ведьмы в таких вопросах было попросту глупо, да ещё изменивший направление ветер принёс вонь разложения, и я махнул рукой.

– Едем!

Георг медлить не стал и взмахнул вожжами, подгоняя усталых лошадей, а его юный родич достал лук, навалился на него, согнул и приладил тетиву. Как видно, шанс наткнуться на лесных разбойников и в самом деле был достаточно велик.

– Проедусь, проверю дорогу, – предупредил Микаэль и поскакал вперёд.

А я оглянулся и прикрикнул на вновь отставшую парочку.

– Подтянитесь!

– Да, магистр! – отозвался школяр и продолжил что-то втолковывать Марте.

– Уве! – рявкнул я, и на этот раз мой окрик действие возымел.

На поляне с дубом обнаружилась развилка, после неё неширокая тропа пошла в обход чащобы по опушке леса, а разбитая тележными колёсами дорога затерялась меж деревьев. Именно туда и ускакал Микаэль.

Сосны остались позади, на смену им пришли ели и лиственные деревья, под их кронами стало темно. Ливень здесь прошёл куда более продолжительный, в выбоинах скопились лужи, тут и там текли ручьи, с листья срывались и падали на землю, на лошадей и поля шляпы крупные капли.

Микаэль никак не пропустил бы загородившее проезд дерево, и всё же поначалу я ехал с ладонью на рукояти пистоля. Более того – смежил веки и размеренными глубокими вдохами погрузил себя в лёгкий транс. Но никакого волнения незримой стихии уловить не удалось. Ощущение присутствия чего-то невыносимо могучего сгнуло, стоило только поляне с дубом остаться позади.

Марта и Уве какое-то время следовали за телегой, потом успокоились и вновь отстали. Вернулся маэстро Салазар, сообщил, что всё в порядке, и снова ускакал вперёд. Очевидно, нашёл предлог пить вино и не выслушивать при этом бестактных комментариев с моей стороны.

Ну и пусть его. Сегодня в монастырь ехать уже поздно, завтра прямо с рассветом посетим с Уве святое место, затем перекусим и отправимся в Ренмель. Скоро, уже совсем скоро мы прибудем в столицу и...

И, честно говоря, я имел весьма смутное представление о своих дальнейших действиях. Гепард замешан в этом деле по уши, герхардианцы точно с ним заодно. А кто ещё? Кого я могу привлечь в союзники, не опасаясь получить удар в спину? Сообщить обо всём маркизу цу Рогеру? Но снизойдёт ли канцлер Вселенской комиссии по этике до опального магистра? И поверит ли он выдвинутым обвинениям? Одних лишь слов может оказаться недостаточно, а откровенничать с ищейками Кабинета бдительности никак нельзя. За такое, даже если впоследствии коллеги и признают мою правоту, один чёрт, призовут к ответу и спросят по всей строгости. Грязное бельё на публике не пристало перетряхивать.

Дорога нырнула в неглубокий овраг, по дну которого тек шустрый шумный ручеёк, копыта лошадей и деревянные колёса взбаламутили прозрачную воду, телега до предела замедлилась. Вылетевший из кустов дротик ударил паренька с луком в плечо, тот заверещал, выронил оружие и свалился с борта. Георг запаниковал и взмахнул вожжами, но добился лишь того, что колёса увязли в грязи и лошади встали как вкопанные. На дорогу с диким воем, гоготом и улюлюканьем полезли тёмные кудлатые фигуры, я рванул из перевязи пистоль, и тут же в бок угодила вскинутая одним из разбойников рогатина.

Тот вложился в движение всем корпусом и неминуемо проткнул бы меня насквозь, окажись выпад самую малость точней. На моё счастье наконечник вспорол кольчугу, скользнул по рёбрам и ушёл в сторону, не причинив серьёзного вреда. И даже так усидеть на лошади не вышло – тычок поперечины оказался достаточно силён, чтобы выбить меня из седла. Падение в ручей с липкой грязью на дне вышло жёстким, и воздух вырвался из отбитых лёгких. Я ушёл под воду с головой, инстинктивно вскинул над собой руку с пистолем, следом вынырнул сам. Лишь помянул ангелов небесных и сразу потянул спусковой крючок.

Прикрытый полкой порох не успел промокнуть, дымно вспыхнул затравочный заряд, из ствола хлестануло пламя. Вновь замахнувшийся рогатиной разбойник даже дёрнуться не успел. Пуля угодила в древко и расщепила его, попутно изувечила кисть мужика. Брызнула кровь, на землю полетели оторванные пальцы.

И тут же в овраг влетел шар раскалённого до невозможности эфира; с оглушительным хлопком заклинание рвануло в кустах, обдав сгустками жидкого пламени листву и ринувшихся к телеге негодяев.

– Колдун! – завопили лихие людишки и бросились в рассыпную. – Спасайся!

Я начал подниматься на локтях, но на меня обрушился раненый разбойник. В лицо дыхнуло кислым перегаром, а в следующий миг голова скрылась под перебаламученной водой; даже толком вдохнуть не успел.

Ангелы небесные!

Громила, видно, совсем обезумел от боли и ярости, он не ослабил хватки, даже когда я выдернул из ножен на поясе кинжал и вслепую ткнул им, метя противнику в бок. Попал, ударил вновь, и всё без толку, хватка не ослабевала – поначалу острое увязло в овчине и вошло в тело совсем неглубоко, а второй тычок громила умудрился заблокировать предплечьем. Мокрая рукоять выскочила из пальцев, и я потянул из-за пояса магический жезл, да только его зажал своим весом разбойник, высвободить волшебную палочку не получилось, пальцы соскользнули с гладкой поверхности.

Перед глазами уже вовсе мелькали искры и воздуха катастрофически не хватало, ничего не оставалось кроме как попытаться выдавить противнику глаза. Разбойник запрокинул голову и попытался отодрать от лица мою руку; тут-то я и перехватил его кисть и со всех сил стиснул изувеченные пулей пальцы. Громила дёрнулся, но, прежде чем удалось спихнуть его с себя, вдруг обмяк и сам отвалился в сторону.

Я вынырнул из лужи, хватанул распахнутым ртом воздух, и грудь тотчас пронзила боль, но далеко не столь острая, как если бы треснули рёбра или оказалось проткнуто лёгкое. А значит – плевать! Не до того!

Левая рука смахнула с лица грязь, правая зашарила по перевязи, только мог бы уже и не суетиться: стычка завершилась нашей безоговорочной победой, не успев толком начаться. Уве подвесил над дорогой сгусток сияющего эфира и настороженно водил из стороны в сторону магическим жезлом, а едва не утопивший меня громила валялся рядом с раскроенной головой. Его ноги ещё мелко подрагивали, кровь выплёскивалась из жуткой раны, смешивалась с мутной водой и подкрашивала её бурым. Маэстро Салазар сидел в седле на раздражённо похрапывавшем жеребце, по клинку шпаги в его опущенной руке медленно скатывались алые капли.

– Дерьмо! – хрипло каркнул я, выбрался из ручья и уселся прямо на дорогу, зажав ладонью рану на боку, неглубокую, но длинную и обильно кровоточившую.

– И не говори, – согласился со мной Микаэль. – Уронил мех, всё вино вылилось.

– Филипп! – послышался крик Марты, опоздавшей к скоротечной сшибке.

Девчонка выскочила из седла, я и моргнуть не успел, как она оказалась рядом и положила руки поверх моей ладони, из-под которой медленно сочилась кровь.

Тряхнуло! словно молния шибанула, от мокрой одежды повалил пар, а меня самого ведьмовская сила выгнула дугой, да так что приложился затылком о землю.

– Святые небеса! – только и выдавил я из себя, когда сумел глотнуть ставшего вдруг слишком уж густым воздуха.

– Ой, – потупилась Марта. – Извини, я испугалась...

– Всю силу разом выплеснула? – вздохнул маэстро Салазар, убирая шпагу в ножны. – Ну ты и бестолочь...

Ведьма на него даже не взглянула.

– Филипп, ты в порядке? – обеспокоенно спросила она у меня и дёрнула за плечо. – Филипп?!

– Более или менее, – прохрипел я в ответ, хватанул ртом воздуха и поморщился. – Скорее более, чем менее, но пока до конца не уверен. Спасибо, что в пепел не обратила.

Марта обиженно засопела, а я поднялся на ноги, покрутил торсом и убедился, что никаких неприятных ощущений при этом не испытываю. А что волосы дыбом стоят – так ерунда, не смертельно.

– Спасибо, – поблагодарил я девчонку, а вот на Уве посмотрел строго, будто на провинившегося ученика. – Что же молчит сеньор ассистент?

– Простите, магистр... – поёжился школяр, стянул с головы шляпу и почесал макушку концом волшебной палочки. – Мы должны были контролировать кусты на обочинах, но увлеклись беседой. Я увлёкся...

Он закашлялся, попытался сдержаться, не смог и сплюнул в дорожную грязь мокроту; ладно хоть без крови.

– В следующий раз кого-нибудь могут убить, – без всякой жалости заявил я.

– Больше такого не повторится! – пообещал Уве.

Марта так и стояла, прижимаясь ко мне, её отвлёк окрик Микаэля.

– Белобрысая тупица, бегом сюда!

Маэстро Салазар времени зря не терял и на пару с Георгом занимался бледным как мел пареньком. Бретёр перетянул обрывком верёвки его руку чуть выше торчавшего из неё дротика, затем отломил наконечник и вытянул из раны древко; обильно потекла алая кровь, парнишка потерял сознание от боли.

– Давай! – прикрикнул Микаэль на ведьму. – Помогай!

Марта опустилась на колени и сразу закричала:

– А что я могу сделать? Я опустошена!

– Целитель должен лечить через силу! – последовал категоричный ответ.

«Армейский целитель», – мог бы добавить я, но не стал вмешиваться и одну за другой начал расстёгивать пуговицы камзола. Мокрая одежда неприятно липла к телу, меня пробрала дрожь. Скорее нервная – продрогнуть пока что не успел.

– Достань из мешка запасную одежду! – приказал я Уве, а сам кинул камзол в ручей, прополоскал его в проточной воде и повесил сушиться на куст.

Заштопать прореху будет не так уж сложно, а вот с кольчугой такой номер уже не пройдёт, придётся тратиться на починку. С правой стороны остриё рогатины разорвало звенья, тут без кузнеца никак не обойтись.

Я кое-как стянул с себя кольчугу, а следом и стёганный жакет, поменял штаны на сухие, надел сорочку, а от протянутого школяром парадного камзола отказался. Вылил из сапог воду, надел их и прошёлся по обочине, высматривая слетевшую с головы шляпу.

– Магистр... – с несчастным видом произнёс Уве.

– Умолкни! – потребовал я, пригладил волосы ладонью и водрузил на макушку помятый головной убор. – Надеюсь, сегодняшнее происшествие послужит тебе уроком. Обучение – это хорошо, но не стоит забывать и об осмотрительности. Это не университетские аудитории, это реальная жизнь. Помнишь, сколько выпускников погибает в первые пять лет после выпуска?

Школяр кивнул.

– Помню, магистр.

– Помни, – сказал я и отошёл к телеге, на которую уже погрузили бесчувственного паренька. Но что-то Марта всё же сделала, рана больше не кровила, дыхание стало ровным, а в осунувшееся лицо понемногу возвращались краски.

– Вы спасли нас! Даже не знаю, как отблагодарить вас, сеньоры! – принялся заламывать руки Георг. – Видят небеса, я перед вами в неоплатном долгу!

– Стол, постель и бадья с горячей водой его покроют, – сказал я.

– Конечно, сеньор! Конечно-конечно!

Мой жеребчик смирно стоял на обочине, я подошёл к нему, вытащил из седельной сумы флягу и прополоскал рот.

– Как-то мы непозволительно расслабились, – сказал Микаэлю после этого. – Нехорошо.

Маэстро Салазар молча кивнул в знак согласия, но думал он точно о чём-то своём. О вине, скорее всего. Разлитый мех – вот уж действительно чего тут хорошего?

Глава 4

1

Вильмштадт оказался забит паломниками до отказа, будто бочонок отборной майнрихтской селёдкой. Ещё на подъезде к околице в глаза бросились многочисленные компании, которые устроились на ночлег прямо у дороги, после стали попадаться разведённые на полянах костры, людей вокруг них бродило ещё больше. В самом селении по улицам расхаживали патрули местных ополченцев, спать там не позволяли даже нищенствующим монахам, гнали в шею всех, не делая поблажек ни калекам, ни юродивым.

По словам Георга, свободных комнат на постоянных дворах не осталось ещё седмицу назад, а на днях приезжим стали давать от ворот поворот и селяне, жившие сдачей жилья; просто не осталось свободных мест. Кому-то удавалось ночевать вповалку на верандах харчевен, на сеновалах и конюшнях, в сараях и во дворах гостиниц, остальные договаривались с владельцами земли и разбивали бивуаки за околицей.

– Я бы и мансарду свою сдал, сеньоры, да боязно, – простодушно поведал нам возница. – Очень уж не люблю случайных людей в дом пускать. У меня дочери на выданье, мало ли что. Паломники к святым местам разные идут, на одних порча, у других дурной глаз. Страшно.

– В прошлый приезд я такой ажитации не заметил, – хмыкнул я.

– Ажитации, сеньор?

– Столпотворения.

– Сроду такого не было, – уверил меня Георг, – но сейчас паломников в монастырь не пускают...

Возница осёкся, когда на нём скрестились взгляды нашей четвёрки; очень недобрые взгляды, надо сказать.

– Как? – округлил глаза Георг. – Вы разве не знали? Думал, именно из-за этого едете...

– Из-за чего любезный? – спросил Микаэль, и голос его скрежетнул оселком по зазубренному клинку.

– Да откуда ж мне знать? – развёл руками возница. – Просто не пускают никого в монастырь и всё. Ни благородных не пускают, ни монахов из других монастырей. И никто из местной братии в селе больше не появляется, спросить не с кого.

– Давно?

– Вторую седмицу люди разрешения ждут.

– И что говорят? – уточнил я.

– Ничего, сеньор, не говорят. Нельзя, говорят. Ждите. На выезде в ту сторону, посты выставили, всех обратно заворачивают. Никогда раньше такого не было...

Мы с Микаэлем переглянулись, и бретёр пожал плечами. По запруженным паломниками улицам мы поехали к дому Георга; жил тот неподалёку от околицы в выстроенном на особицу двухэтажном доме с просторным задним двором.

Раненого парнишку под охи и ахи дородной матроны и двух ничуть не менее пышнотелых девиц занесли в дом и уложили на кровать, а мальчишек помладше хозяин погнал обихаживать лошадей. Не обошлось и без распоряжений касательно ужина и обустройства на мансарде спальных мест для дорогих гостей.

– Товар завтра сдам, припозднились мы сегодня, – сказал Георг, когда телегу загнали в добротный амбар.

Я вопросительно глянул на него.

– Товар не мой, – пояснил мужик, оглаживая бороду. – Я извозом живу.

- Ясно, – кивнул я и спросил: – Что насчёт горячей воды?
- Всё будет, сеньор. Сейчас всё будет. Уже велел печь затопить.

Поежинали плотно. За столом собралось всё многочисленное семейство Георга, при этом тесниться не пришлось, в гостиной нашлось место всем. Еда была простой, но сытной, мы остались довольны. Разве что Микаэлю пришлось вместо вина пробавлялся здешним пивом, зато и влил он в себя чуть ли не целый жбан.

После начали собираться в мыльню, и Марта напросилась составить мне компанию, напирая на необходимость осмотреть рану. Я после недолгих раздумий дал на это добро. Ведьма была в образе юнца, так что никаких кривотолков наша совместная помывка вызвать не могла. А вот Уве необходимость идти в мыльню на пару с маэстро Салазаром в восторг не привела; с бретёром он демонстративно не разговаривал и шагов к примирению совершать не намеревался.

Я отозвал школяра в сторону и проникновенно заглянул ему в глаза.

- Уве, у меня ваша грызня уже в печёнках сидит.
- Не я это начал! – нервно передёрнул плечами паренёк.
- Но ты можешь это закончить. Ты способен проявить благоразумие, Микаэль – нет.
- Почему же?
- Его мертвецы в спину подталкивают, не дают отступить.

Школяр фыркнул, но как-то не слишком уверенно. Я прищёлкнул пальцами у него перед лицом, не из желания погрузить в транс, а просто привлекая внимание. Повёл руку в одну сторону, затем в другую, всмотрелся в глаза.

– Магистр! – протянул Уве с нескрываемой обидой. – Да не надорвался я! Пару эфирных сгустков создать и желторотику первого года обучения под силу!

– Пару? Я видел только один.

Уве смутился.

– Первым я по кустам шарахнул, вторым по топившему вас разбойнику долбанул, но в него не попал, заклинание в ручей угодило.

– Не сделал поправок на нестабильность незримой стихии над бегущей водой? – догадался я.

Школяр покаянно кивнул.

– А Марту чему учишь?

Уве кинул быстрый взгляд на Микаэля, который шёл к мыльне, и явственно заколебался, но заперяться не стал.

– Плетению истинной невидимости, – сказал он и потупился. – Понимаю, я не должен раскрывать такие знания, но очень уж хочется утереть кое-кому нос!

Я только хмыкнул. Эта схема была чрезвычайно сложной для построения, поскольку предполагала наложение трёх независимых узоров с предельно заковыристыми формулами. Требовалось не только укрыть человека от взглядов окружающих и замаскировать его эфирное тело, но и спрятать само заклинание от истинного зрения наблюдателей.

Школяр расценил моё молчание по-своему и зашептал:

- Она справится! У девчонки просто талант к таким вещам!
- Поживём – увидим, – усмехнулся я, похлопал его по плечу и поторопил: – Беги мыться!

Уве отправился вслед за бретёром в мыльню, а я покачал головой. Истинная невидимость определённым образом повышала шансы ведьмы в учебном поединке с Микаэлем, но отнюдь не гарантировала ей победы. Маэстро Салазару не раз приходилось резать врагов в крошечном мраке, когда не видно ни зги.

Впрочем, Марта не слишком-то и горела желанием утереть нос бретёру, её даже мой распоротый бок не слишком волновал – уже в мыльне девчонка лишь мельком поглядела на

затянувшуюся рану, а потом начала вертеться, пытаюсь получше рассмотреть собственный зад, и даже ущипнула себя за ягодицу.

– Филипп! – взмолилась Марта. – Она и в самом деле такая костлявая?

– Нет.

– Слишком толстая?

– Она замечательная, – фыркнул я, развернул девчонку спиной к себе и заставил навалиться на полати.

Марта попыталась было что-то ещё спросить, но очень скоро ей стало не до сомнений в собственной привлекательности, а я сполна исполнил данное Микаэлю обещание отшлёпать вздорную девчонку.

После отправил ведьму в дом, а сам уселся на пол, смахнул с лица пот и попытался не отрешиться от влажного жара мыльни, но впитать его и сделать частью себя. Размеренное выдохи и вдохи успокоили сердцебиение, сознание легко скользнуло в транс, куда более глубокий, нежели обычно. Живительная сила, разом влитая в меня Мартой, исцелила брэнную плоть, но привела в совершеннейший беспорядок эфирное тело, и предстояло немало потрудиться, дабы вернуть его к состоянию относительного равновесия.

2

Утром при виде стропил низкой крыши даже не сразу сообразил, где и как сюда попал; потом только вспомнил. Рядом негромко посапывала Марта. Вопреки обыкновению девчонка не разделась донага, прежде чем забраться ко мне под одеяло, а целомудренно облачилась в ночную сорочку до пят. Оно и правильно – всё же положили нас всех в одну комнату, об уединении и речи не шло.

Я растолкал ведьму и велел ей приводить себя в порядок, а после осмотреть пациента. Марта потянулась, да так что сорочка туго обтянула уже совсем не плоскую грудь, стрельнула глазами по сторонам и придвинулась ко мне. Но хоть Уве и Микаэль успели покинуть мансарду, я постельным утехам предпочёл завтрак и скорейшее завершение приведшей нас в это захолустье миссии, а потому не преминул напомнить девчонке:

– Кто-то сюда ехать не хотел!

Та фыркнула рассерженной кошкой.

– И правильно не хотела! Какой прок на неприятности нарываться? И комната одна на всех...

Ведьма поднялась с тюфяка, я потянулся и от души хлопнул её чуть ниже поясницы.

– Не ворчи.

– Хочу и буду ворчать, – заявила Марта и через голову стянула сорочку, но при этом в притворной обиде развернулась ко мне спиной.

Она быстро переоделась и по скрипучей лестнице спустилась вниз, не стал задерживаться на мансарде и я. Хозяева давно проснулись, с кухни тянуло ароматами стряпни. Марта отправилась проведать раненого паренька, и я без неё решил не завтракать, вышел на улицу. Амбар стоял открытым нараспашку, телеги в нём уже не было. Как не было нигде видно и Микаэля, а вот Уве упражнялся с жезлом посреди заднего двора. Не самое уединённое место для тренировок в тайном искусстве – за школяром с открытыми ртами наблюдали не только хозяйские дочки, но и вся окрестная мелюзга; над забором торчало никак не меньше дюжины голов.

Впрочем, Уве незримой стихии не касался и ограничивался прогонкой по эфирному телу внутренней силы. Наряду с медитациями подобные экзерсисы могли способствовать нормализации энергетических узлов, но лично я полагал, что в столь запущенной ситуации такие меры не окажут никакого сколь бы то ни было значимого эффекта. Слишком поздно, теперь школяру оставалось лишь уповать на чудо.

Впрочем, вслух высказывать своих сомнений я, разумеется, не стал. Уве всё делал правильно: он зубами цеплялся за малейшую возможность сохранить свои способности, а по себе знаю – ничего ещё не кончено, пока человек не сдался. Или не умер.

Я скривился от этой мысли, будто откусил червячного яблока, сплюнул под ноги и уселся на лавку. Утро выдалось прохладным, дул ровный северный ветер, да только на пронзительно-голубом небе не виднелось ни облачка, и не приходилось сомневаться, что днём будет ничуть не менее жарко, нежели вчера. Захотелось поменять планы и выдвинуться в Ренмель прямо сейчас, до солнцепёка, но решил не суетиться и не пороть горячку, полагаясь на слова одного-единственного человека.

Опять же будет не лишним отстать на пару дней от Морица Прантла и его людей. Возможно, это сойдёт с толку Гепарда...

Ангелы небесные! Уму непостижимо – опасаться собственных коллег!

Я невесело усмехнулся, а когда на лавке рядом со мной устроилась Марта, повернулся к ней и вопросительно приподнял брови.

– Ну?

– Рана немного кровила, пришлось её залечить, – сообщила девчонка, лицо которой заострилось и даже слегка осунулось, как бывало всякий раз после использования ей магии. – Но это нестрашно, главное, кость срослась. Иначе пришлось бы отнимать руку. А так заживёт всё само.

– Расцеловал бы тебя, но слишком много лишних глаз.

Марта фыркнула и задрала нос. Мы посидели ещё немного, а потом Уве закончил упражняться с жезлом, стянул через голову промокшую от пота рубаху и велел одному из пацанов вылить на голову ведро колодезной воды. Умылся, взбодрился, да ещё и от излишки магической энергии избавился. Правильный подход.

И всё же, когда школяр подошёл к нам, то несколько раз кашлянул в кулак, а потом отвернулся и сплюнул мокроту. Я выразительно посмотрел на Марту, и та поняла меня без слов.

– Травы уже настаиваются, – сообщила ведьма и спросила: – А где усатый?

– Решил пройтись по селу, – сказал Уве и принялся вытирать голову и плечи полотенцем. Как ему ни хотелось добавить что-то вроде «в поисках выпивки», но школяр сдержался; видно, возымело действие моё вчерашнее внушение.

Нас пригласили за стол, и мы уже позавтракали, когда появился маэстро Салазар. Присоединиться к нам он не пожелал, предложил поговорить на улице.

Я вышел на задний двор с кружкой травяного настоя, с удовольствием отхлебнул его и спросил:

– Что узнал?

Микаэль с задумчивым видом покрутил ус, затем оглянулся по сторонам и заявил:

– В монастырь не попасть.

– Это нам ещё Георг сказал. Выкладывай подробности.

Бретёр покачал головой.

– Подробностей не будет.

– Ты всё это время просто вино пил? – не удержался от подначки Уве, и по обыкновению хмурый и злой на весь белый свет с утра Микаэль недобро улыбнулся.

– Да уж хозяйскую дочурку не огуливал на сеновале как некоторые, – процедил он с неприятной ухмылкой.

Школяр не нашёлся, что ответить, и покраснел как рак.

– Уве! – выразительно посмотрел я на паренька. – У нас будут из-за этого проблемы?

Тот захлопал глазами, открыл и закрыл рот, потом выдавил из себя:

– Ну мы же уезжаем...

– Пока что нет, – покачал я головой и повторил вопрос: – Проблемы, Уве! У нас будут из-за тебя проблемы?

– Никак нет, магистр! – с совершенно неожиданными армейскими нотками прозвучало в ответ. Марта даже хихикнула от удивления.

Я кивнул, вновь хлебнул горячего настоя и обратил своё внимание на Микаэля.

– Что говорят о монастыре?

– Чего только не говорят! – фыркнул бретёр. – Но если отмести откровенный бред... Там что-то случилось седмицы две назад. Сначала перестали запускать на территорию паломников, через несколько дней и вовсе перекрыли выезд из села в ту сторону. Выставили пикет из местных ополченцев, дальше караулят наёмники. Кого перехватывают – заворачивают обратно, но ходят слухи, некоторые уже не возвращаются.

– Причина?

– Официально ничего не объявляли. Поговаривают о вспышке чёрной смерти.

– В святом месте? – округлил глаза Уве.

– Это лишь сплетни. Как и прорыв одного из князей запределья, явление ангела небесного или духа святого Рафаэля, подготовка к последней битве и второе пришествие Пророка. И это не самые бредовые... – Бретёр посмотрел на меня и несколько раз прищёлкнул пальцами. – Как ты Филипп говоришь? А! Теории. Не самые бредовые теории на этот счёт.

Я кивнул, ни в малейшей степени не сомневаясь в словах Микаэля. Неожиданная блокада святого места просто не могла не породить самых диких слухов. Среди паломников хватало и религиозных фанатиков, и просто людей не от мира сего, вспышка чёрной смерти точно не покажется такой публике достаточно веской причиной для ограничения доступа к святому месту.

– Что будем делать? – спросил Уве. – Отправимся в Ренмель?

– Какую из девиц ты приобщил к радостям плотской любви? – спросил вдруг Микаэль. – Повыше и погрудастей или потолще с монументальным задом?

Школяр оскалился и угрожающе выпятил нижнюю челюсть.

– Какое твоё...

– Если повыше, то не оборачивайся, – перебил его бретёр. – Она точно ждёт именно этого и попытается привлечь твоё внимание. – Маэстро Салазар похлопал Уве по плечу и обратился ко мне: – Скажи, Филипп, эта девица не напоминает тебе сеньору Адалинду в молодости?

– Не имел чести знать маркизу цу Лидорф в молодости, – ответил я, с немалым трудом подавив желание обернуться и оценить стати хозяйской дочери.

Уве скрипнул зубами, но дерзить не решился и умоляюще протянул:

– Магистр, мы ведь уедем сегодня?

Я лишь усмехнулся и спросил маэстро Салазара:

– Что скажешь, Микаэль? Мы уедем отсюда... сегодня?

Последнее слово было выделено интонацией отнюдь неспроста, и бретёр понял меня совершенно верно.

– Одним небесам то ведомо, – вздохнул он, потянул себя за ус и надолго замолчал, но отнюдь не из желания позлить паузой Уве, просто обдумывал наши возможные действия. – Ехать напрямик не обязательно, – произнёс он некоторое время спустя, – к монастырю ведёт просека, сможем подобраться поближе, но наверняка упрёмся в заслон непосредственно у Зарьиной пустыни.

Я огладил бородку, спросил:

– Насчёт просеки Георг рассказал?

Микаэль кивнул.

– Думаешь, ему можно доверять?

Бретёр pokrutil перед собой растопыренными пальцами.

– В пределах разумного, полагаю.

– Тогда выдвигаемся, – объявил я, и Уве буквально просветлел лицом; затягивать общение с хозяйской дочкой ему несколько не хотелось, и уж точно он не желал лишний раз встречаться с её папенькой.

Марта досадливо поморщилась, но вступать в лишённый всякого смысла спор не стала, лишь покачала головой и ушла собирать вещи. Мы с Микаэлем не без удовольствия понаблюдали за попытками школяра разминуться со своей пассивой, затем вслед за ведьмой поднялись на мансарду.

Пропоротую кольчугу я после недолгих сомнений всё же убирать в дорожный мешок не стал и натянул поверх буревшего не до конца отмытой кровью стёганного жакета, лишь вынул рассечённые звенья. Камзол не только заштопали, но ещё и постирали; пусть вчерашняя схватка и отразилась на нём не лучшим образом, но окончательно он своего вида не потерял. Шляпа и вовсе в драке не пострадала.

Постукивая каблуками сапог по скрипучей лестнице, я с дорожным саквояжем в одной руке и вещевым мешком в другой спустился с мансарды, и мой вид заставил хозяйку всплеснуть перепачканными мукой руками.

– Уезжаете, сеньор?!

Доченька вполне могла поделиться с маменькой своими любовными переживаниями, так что я беспечно улыбнулся.

– Что вы, фрау?! Мы едем в монастырь и надеемся воспользоваться вашим гостеприимством на обратном пути! Мартин уверен, что рана вашего племянника опасности не представляет, но он ещё проверит, как та заживает.

Лицо хозяйки разгладилось, и она уточнила:

– Ждать вас к обеду или ужину?

Я повернулся к Микаэлю.

– До монастыря почтовая лига и столько же обратно, да ещё там какое-то время проведём. Будем к ужину, – с непроницаемым лицом выдал бретёр и вышел на задний двор.

Крутившаяся тут же девица, сложением и в самом деле определённо напоминавшая Адалинду, с облегчением перевела дух, а Уве – стервец такой! – ей даже подмигнул, прежде чем спешно юркнуть в дверь. Я едва удержался, чтобы не отвесить пареньку подзатыльник, дождался Марту и уже вместе с ней отправился седлать лошадей, но на подходе к конюшне меня перехватил школяр.

– Магистр, мы ведь не станем возвращаться? – спросил он, воровато оглянувшись на дом.

– Не станем, если не возникнет нужды провести в селе ещё одну ночь.

– Но...

– Заночуешь в поле, а мы расскажем о твоей славной гибели в схватке с лесными разбойниками, – усмехнулся я, похлопав школяра по плечу.

Продолжать разговор тот не стал.

3

Выезд из села в сторону Зарьиной пустыни и в самом деле перекрывал пикет. Мы посмотрели на хмурых ополченцев и не стали козырять служебными документами, проехали по околице и направили лошадей на тянувшуюся через поле дорогу. Такие умные мы были отнюдь не одни, в том же направлении шагали и паломники, обычно их вёл какой-нибудь жуликоватый тип из местных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.